
Его мелодия.
Непокорная
К. ФеЛония

К ФеЛония

Его мелодия. Непокорная

https://litres.ru/74713479

Аннотация

Выйти замуж за человека, которого видела один раз в жизни и который годится тебе в отцы…

Именно так поступил со мной отец. Просто кинул меня на алтарь к Кристиану Альваресу — боссу Барселоны, старше меня на двенадцать лет.

Я никогда не любила. Мне даже не разрешали смотреть на парней, говоря, что я должна хранить себя для единственного. И я никак не догадывалась, что этим «единственным» станет ОН.

Дочки криминальных авторитетов навсегда остаются лишь ресурсом для чужих планов. И покажите мне хоть одну мать семейства в этом мире, где это не так.

Теперь Мексика и Испания стали единым целым. Мне осталось родить наследника, а затем… всю оставшуюся жизнь улыбаться и делать вид, что я люблю его.

Содержание

ВАЖНО!	4
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	66
Глава 6	79
Глава 7	91
Глава 8	102
Глава 9	116
Глава 10	132
Глава 11	144
Конец ознакомительного фрагмента.	159

ВАЖНО!

Предупреждение для читателей (18+)

Данная книга предназначена строго для совершеннолетних читателей. В тексте присутствуют мрачные темы и сцены, которые могут быть тяжелыми для восприятия.

В книге содержатся:

Откровенные эротические сцены — детальные и подробные описания сексуального характера, включая сцены с элементами БДСМ.

Нецензурная лексика — используется как часть речи персонажей, без цензуры.

Сцены жестокости и насилия.

Психологическое давление и манипуляции — токсичные семейные отношения, брак по принуждению, газлайтинг, контроль, изоляция.

Травматичные темы — панические атаки, страх, депрессивные состояния, посттравматический стресс.

Сцены физического насилия — рукоприкладство, агрессия, применение оружия.

Пожалуйста, будьте бережны к себе. Если подобные темы вызывают у вас дискомфорт или являются триггерами,

настоятельно рекомендую воздержаться от чтения. Ваше психическое здоровье важнее любой книги.

ТРОПЫ

Брак по расчету / Фиктивный брак.
От ненависти до любви.
Босс мафии / Криминальный авторитет.
Золотая клетка.
Разница в возрасте.
Неопытная героиня / Опытный герой.
Спасение / Защита.
Семейные тайны и долги.
“Своя" среди врагов / Враги становятся семьей.
Психологическое давление и манипуляции.
Беременность.
Погоня / Спасение.
Холодный герой — нежный любовник.

Глава 1

Дверь комнаты захлопнулась с таким глухим стуком, что эхо прокатилось по всему второму этажу, и я уже летела вниз по лестнице, не ступая, а почти падая со ступеньки на ступеньку, чтобы только не останавливаться, не думать.

Весь дом гудел и дышал. Где-то далеко на кухне звенело стекло. За распахнутыми настежь окнами гудела неизвестная мексиканская жизнь, наполняя коридоры влажным, пряным воздухом, от которого слегка кружилась голова.

Мать стояла у темной двери кабинета. В ее безупречной, почти статуарной неподвижности был такой холодный вопрос, что захотелось развернуться и бежать обратно.

— Инес.

Произнесла имя негромко, но так, будто это было не имя, а обвинительный приговор, уже вынесенный и ожидающий лишь формального оглашения.

— Тебя звали. Час назад. Где ты была?

Попыталась вдохнуть полной грудью, но воздух будто застрял в горле.

— Я уснула. Просто… вырубилась.

— Уснула, — повторила, и в этом повторе не было ни капли понимания, только бесконечное, леденящее разочарование. — Через три дня твоя свадьба. Ты вообще осознаешь, что происходит? Или для тебя это все тоже какой-то сон, из

которого не хочется просыпаться?

Свадьба. Барселона. Чужая фамилия и чужая жизнь, которая ждала меня через океан. От этих слов в висках начинало стучать.

— Я знаю, — прошептала, голос прозвучал так тихо, что его едва ли было слышно.

— Проходи. Отец ждет. Хотя, конечно, ждать тебя — занятие для безнадежно терпеливых людей. Ты должна быть пунктуальной, Инес. Это базовое правило. Пунк-ту-аль-ной.

Кивнула, сделав шаг к двери, рука сама потянулась к латунной ручке.

— А стучаться тебя не учили?

Замерла на месте, почувствовав, как по спине пробежали мурашки.

— Что?

— Стучаться, — сказала, не меняя интонации. — Ты не врываешься сюда, как в свою комнату. Это кабинет. Постучись.

Отвернулась, снова попыталась вдохнуть, поднесла дрогнувшие пальцы к темному дереву и постучала — неуверенно, слабо, будто не надеясь, что меня услышат.

Голос отца прозвучал из-за двери приглушенно и глубоко, словно доносился из-под толстой воды.

— Войди.

Мать не пошевелилась. Пришлось буквально протиснуться в узкий промежуток между ней и косяком, чтобы ухва-

титься за ручку и открыть дверь.

Запах духов — тяжелый, удушающе-сладкий — на мгновение окутал целиком, прежде чем шагнула в прохладную полутьму кабинета.

Зашла и закрыла дверь, притворив беззвучно.

Кабинет тонул в полумраке, шторы были почти задернуты, и только один косой луч света резал воздух, полный сигарного дыма.

Отец сидел за массивным столом, из этого светового среза. В одной руке дымилась сигара, в другой медленно вращал ручку, не глядя на нее.

Поднял глаза.

— Чего встала? Садись.

Прошла через комнату, ноги были чужими. Села на жесткий стул напротив, спина сама собой выпрямилась. Сложила руки на коленях, чтобы не дрожали.

— Я тебя звал час назад. Где ты была?

Голос был спокойный, деловой. От этого становилось страшнее.

— Я случайно уснула.

Медленно, почти задумчиво затянулся сигарой, выпустил дым. Дым кольцами поплыл в луче света, разрывался.

— В постели мужа во время брачной ночи тоже «случайно уснешь»?

Перехватило дыхание. Словно ударили в живот тихо, исподтишка.

— Пап…

— Что «пап»? — отставил ручку, уперся локтями в стол, сцепил пальцы. — У тебя свадьба не с каким-то мальчишкой, Инес. С Кристианом Альваресом. А ты как какая-то овечка, которая не понимает, куда ведут.

Кристиан Альварес.

Тридцать один год.

Мне было семнадцать, когда видела его в последний раз. Точнее, не видела — мельком, на каком-то приеме. Тот стоял у окна, спиной к залу, разговаривал по телефону. Высокий, с очень прямой спиной.

Незнакомец, которому меня отдали.

Почему?

Я до сих пор не понимала. Пыталась спрашивать — мне говорили «не твое дело» или «так надо».

— Это не просто свадьба, Инес, — голос врезался в мои мысли, выдергивая меня обратно в душный кабинет. — Это союз. Самый крепкий, какой только может быть. Ты понимаешь, что это значит для всех нас?

Я молчала.

— Ты ключевая монета в этой войне. Понимаешь? Ключевая.

Монета. Не дочь. Не человек. Монета, которую разменяют. В горле встал ком, горький и твердый. Опустила глаза, смотрела на сцепленные пальцы. Белые от напряжения костяшки.

— Но я ведь его даже никогда толком и не видела,— вынудила себя прошептать.

Отец откинулся в кресле, и кожаный чехл громко хрустнул. Смотрел так, будто я говорила на незнакомом языке.

— Какая разница?

Разница. А разве есть что-то важнее? Все существо кричало, что это неправильно. Разве свадьба — это не про что-то другое? Не про объединение семей, не про кровь, не про врагов с фамилией Саморано.

Смотрела на непроницаемое лицо и не понимала, как можно жить в таком мире. В мире, где брак — это ход на шахматной доске, а любовь — досадная случайность, которую лучше исключить.

— У нас с ним разница пап… В двенадцать лет… — проговорила, цепляясь за это число, как за рациональный, неоспоримый аргумент.

Он взрослый мужчина. Я… я даже не знаю, кто я.

Вздохнул, раздраженно.

— И что? — спросил, и в голосе не было ни капли сомнения. — Какая к черту разница? Тебе девятнадцать, у тебя прекрасный возраст для брака. Самый что ни на есть подходящий. Ты здорова, ты красива. Что тебе еще надо?

«Прекрасный возраст».

Звучало как оценка скота на ярмарке. Чувствовала, как внутри все сжимается в маленький, твердый и холодный комок. Отец не слышал. Не слышал вообще. Мои слова, мои

страхи — все это было просто шумом, помехой в четких расчетах.

— Кристиан — серьезный человек. У него дела, влияние. Он не будет тратить время на глупости. Он даст тебе стабильность, уважение, положение. А ты… Ты должна быть умницей. Не доставлять хлопот. Родить ему наследника. Это твоя роль. И она почетна.

Не знала, что сказать. Все аргументы были исчерпаны, все мои «но» и «почему» разбивались о каменную стену его уверенности.

Просто сидела, пытаясь сдержать дрожь, которая рвалась наружу. И понимала, что выхода нет. Эта дверь, которую только что закрыла, была не просто дверью в кабинет. Она захлопнулась за мной навсегда.

— Сегодня Кристиан приедет,— сказал отец, и его голос снова стал деловым, будто объявлял о прибытии важного груза. — Около семи. Будь готова. Он вручит тебе кольцо. Может быть, вы даже поговорите. Постарайся произвести хорошее впечатление. Не мямли.

Меня тряхнуло от одной мысли — увидеть снова. Не мельком в толпе, а здесь, в этом доме, лицом к лицу. И принимать от него кольцо.

Знак собственности.

Открыла было рот, чтобы сказать что-то — что именно, я и сама не знала — но дверь кабинета с громким стуком распахнулась, впустив в густой воздух струю света и шума

из коридора.

— Пап!

В проеме стоял Мигель. Ему десять, и он всегда врывается, как ураган, весь в ссадинах и новостях. Лицо раскрасневшееся, глаза горят.

Даже рта не успел открыть для второй фразы.

— Мигель!

Голос матери разрезал пространство с такой ледяной резкостью, что сама вздрогнула, а Мигель буквально подскочил на месте, как щенок, попавший под холодный душ. Замер, осекшись, испуганно глядя сначала на мать, появившуюся в дверях за его спиной, а потом на отца.

— Нельзя врываться в кабинет, когда отец разговаривает! Сколько раз тебе говорить? — шипела, не повышая голоса, но каждое слово било, как хлыст. — У нас здесь решаются важные вопросы, а ты носишься, как дикарь! Вон!

Мигель сжался, восторг мгновенно испарился, сменившись виноватой растерянностью. Бросил на меня быстрый, умоляющий взгляд — я же заступлюсь? — но я опустила глаза. У меня не было сил даже на это.

— Извини, папа, — пробормотал еле слышно.

— Выйди и закрой дверь. Тихо, — сказал отец, даже не взглянув на него.

Мигель шмыгнул за дверь, прикрыв с таким осторожным щелчком, будто была из стекла.

Отец выждал паузу, ровно столько, чтобы подчеркнуть,

что никакие детские крики не могут нарушить серьезность момента.

— Так вот, Инес. Будь готова к семи вечера. Платье соответствующее, без твоих этих… выкрутасов. Ты должна выглядеть ослепительно, но при этом скромно. Держись достойно.

«Ослепительно, но скромно».

Как портрет в дорогой раме — красиво, но безмолвно. Почувствовала, как губы сами собой складываются в безжизненную улыбку согласия.

— Да, — выдохнула, едва кивнув.

— Иди готовься. И займи чем-нибудь Мигеля, чтобы не носился как угорелый. Мне с твоей матерью еще кое о чем надо поговорить. — махнул рукой, отмахиваясь от меня, как от выполненного поручения.

Стул отодвинулся с глухим скрипом, который прозвучал невыносимо громко в этой тишине. Не смотрела на мать, все еще замершую в дверях. Прошла мимо, ощущая на спине тяжелый взгляд.

Дверь закрылась за спиной. Замерла в полутемном коридоре, прислонившись лбом к прохладной стене. Из-за двери доносился приглушенный, неразборчивый гул их голосов — низкий бас отца и ровные, отчеканенные фразы матери. Они обсуждали детали. Условия. Меня.

Мне нужно было идти наверх. Готовиться. Выбирать это «ослепительное, но скромное» платье. А внизу, из-за угла,

на меня смотрела пара огромных, испуганных глаз.

Мигель прижался к стене, весь сжавшись в комок. Не плакал, но нижняя губа чуть дрожала.

— Они очень злые? — прошептал, кивнув на дверь.

Подошла, опустилась на корточки, взяла за руку. Ладошка была горячей, липкой от улицы.

— Не очень. Просто… деловые.

— А этот… твой жених? Он тоже такой? Деловой?

Кристиан Альварес. Высокий, прямой, с холодными глазами. «Серьезный человек», как сказал отец.

— Не знаю, Мигель.

— А ты выйдешь за него? Правда?

Вопрос десятилетнего мальчишки повис в воздухе, такой простой и такой страшный. Посмотрела на взъерошенные волосы, на царапину на щеке, на полное доверия лицо.

— Кажется, да, — тихо сказала. — Пойдем, поможешь мне выбрать платье. А то я никак не могу решить.

Взяла за руку и повела наверх, подальше от приглушенных голосов за дверью, от запаха сигары и тяжелых духов, от неотвратимости семи вечера. Теплая ладонь была единственной ниточкой, связывающей с настоящим, с тем, что еще не стало сделкой.

— Я не хочу, чтобы ты выходила за него, — выпалил Мигель, плюхнувшись на кровать с таким видом, будто мир рухнул.

Остановилась перед открытыми дверцами гардероба.

Платья висели ровным безжизненным рядом — тихие свидетели другой, несостоявшейся жизни.

— Почему?

— Зачем тебе это? — почти крикнул, но тут же сбавил голос до шепота, по привычке опасаясь, что услышат внизу. — Ты же уедешь. Ты меня бросишь тут одного. А я останусь с ними. С этими… деловыми. Мне будет скучно! Совсем скучно. Хоть ты иногда со мной смеялась, в футбол во дворе гоняла… А теперь кто будет?

Голос дрогнул на последних словах.

— Я не брошу тебя, глупенький. Ты сможешь приезжать ко мне. Мы будем гулять по Барселоне, есть мороженое, смотреть на море.

— Правда? Ты обещаешь?

— Обещаю, — сказала, и хотелось верить, что это обещание смогу сдержать. Что там, в той новой жизни, будет хоть капля свободы для этого.

Но тут же, как ледяная вода, нахлынула другая мысль. Скоро, совсем скоро, и перестанет быть этим грязнулей с мороженым. Ему исполнится одиннадцать. А в одиннадцать в нашей семье мальчиков посвящают в дела. Папа начнет брать его с собой. Объяснять, кто такие Саморано, почему важны союзы, как держать лицо и не показывать страх. Брат тоже станет «деловым». Ладони сотрутся от руля и оружия, а не от футбольного мяча.

Резко встала, отгоняя эту картину.

— Так, а теперь помоги мне с самым сложным. — снова распахнула гардероб. — Какое платье выбрать? Что думаешь?

Подошел, серьезно нахмурив брови, как настоящий эксперт. Потрогал темные волосы, распущенные по плечам, посмотрел в глаза, будто сверяясь с палитрой.

— Нежное, — вынес вердикт. — Красивое, молочное платье!

— Молочное? — невольно улыбнулась. Так мог сказать только ребенок.

— Ну да! — ткнул пальцем в сторону светлых оттенков. — Не белое-белое, а вот такое… теплое. Как крем. Кремовое! Чтобы ты выглядела… как хорошая. Не как злая королева из мультика. А как добрая.

— Кремовое, значит, — кивнула, пробираясь к дальнему краю гардероба. — Давай поищем что-нибудь… молочное.

И пока с ним перебирали шелк и шифон, ловила на мысли, что это, наверное, последний раз, когда кто-то помогает выбрать платье, исходя не из политики, а из того, какое оно на ощупь и какого цвета.

***

В зеркале стояла девушка в кремовом платье. Она была красивой. Спокойной. Идеально соответствующей требованиям «ослепительно, но скромно». Волосы блестели, глаза смотрели чуть исподлобья, губы были приоткрыты. Все бы-

ло на своих местах.

Но я не узнавала ее. Это была кукла. Изящная, дорогая, подготовленная для передачи новому владельцу. В этом образе не было ни капли той Инес, которая могла до слез смеяться с братом во дворе, которая тайком читала романы до рассвета, которая боялась грозы.

Глубоко вдохнула, пытаясь прогнать дрожь, которая пыталась пробраться в пальцы. Выпрямила спину, еще раз встретилась взглядом с незнакомкой в отражении.

Ты ключевая монета. Так держись, будто ты сделана из золота и не боишься огня.

И повернулась к двери. Пора было спускаться. Навстречу семи часам. Навстречу ему.

— А ты кто такой? — раздался снизу дерзкий голос Мигеля.

Замерла на полпути по лестнице, схватившись за перила. Боже, Мигель…

— Я Амадо, — прозвучал в ответ спокойный, бархатный голос с отчетливой игривой ноткой. — А ты, наверное, местный стражник?

Спустилась вниз, сердце колотилось где-то в висках. Мигель стоял в проеме гостиной, подбоченившись, перекрывая дорогу. Перед ним — мужчина.

Его разноцветные глаза — один голубой, ледяной, другой карий, теплый — смотрели на мальчишку с нескрываемым любопытством. Губы были растянуты в улыбке, широкой и

непринужденной, но в ней было хищное. Темно-русые волосы с были чуть растрепаны.

— Ты дашь мне пройти или нет? — спросил Амадо, не теряя улыбки. — Я прошел проверку, стражник?

— Я еще думаю, — важничал Мигель, надув щеки. — Подожди.

— Мигель, — позвала, спускаясь и подходя к ним. Голос прозвучал тише, чем я хотела.

Мужчина медленно перевел на меня взгляд. Оба глаза — и ледяной, и теплый — скользнули по мне с ног до головы, оценивающе, без стеснения. Улыбка стала чуть шире.

— А ты, кажется… будущая женушка Кристиана, — протянул, растягивая слова. Слово «женушка» прозвучало непочтительно, фамильярно. — Ну и молоденькую он себе присмотрел… — насмешливо выдохнул, покачав головой.

Жар ударил в лицо. От наглости, от этого взгляда.

— Извините за брата, — выдавила, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Он просто…

— За меня не надо извиняться! — тут же взбунтовался Мигель.

— Мигель, — прошептала сквозь зубы, бросая предупреждающий взгляд.

Замолчи, ради всего святого.

Амадо усмехнулся, глядя на нашу перепалку, как на забавное представление.

— Ладно, ладно. Все семейные дела потом. Мне к твоему

отцу и Кристиану надо. Куда идти-то, стражники?

Уже собиралась показать, но из дальнего конца коридора появилась мать. Та вышла из кабинета, закрыв дверь беззвучно. Увидев Амадо, не изменилась в лице, лишь слегка, почти незаметно, склонила голову.

— Амадо. Не думала, что второй босс Барселоны удостоит визитом.

Второй босс. Союз пяти семей Барселоны.

Амадо Баскес — босс семьи Баскес.

Амадо повернулся к матери, и улыбка стала формальнее, но не исчезла.

— Всегда приятно. Не мог пропустить такое событие. Тем более что наш Кристиан наконец-то остепенится. — снова бросил взгляд на меня, быстрый, как удар щупа. — Надо же посмотреть, какое сокровище он нашел.

Прошел мимо, оставив шлейф дорогого табака и легкой, опасной самоуверенности. Мать жестом велела Мигелю идти со мной, а сама пошла следом за Амадо, каблуки отстукивали по полу четкий, неспешный ритм.

Мигель дернул за руку.

— Он кто? Почему он так на тебя смотрел?

— Он… партнер, — коротко сказала, глядя на закрывшуюся дверь кабинета. — Важный человек. И тебе, Мигель, нельзя вот так с ними разговаривать. Понял?

Брат что-то пробормотал недовольно, но притих. Оба смотрели на ту дверь. Оттуда не доносилось ни звука. Там

сейчас решалась моя судьба. И я должна была ждать, когда меня позовут.

Глава 2

Пальцы сами собой разглаживали складки на шелке платья, снова и снова. Интерес грыз меня изнутри. Каков он, этот человек, которому меня отдают?

Представляла себе холодные глаза, прямую спину, тихий голос. Но больше, чем интерес, было другое — тяжелый, свинцовый страх. Перед всем, что начнется после сегодняшнего вечера. Барселона, чужая жизнь, роль, которую нужно будет играть каждый день до конца своих дней.

Мигель, сидевший рядом, поежился, вертелся, смотрел на дверь. Он был живым воплощением собственного беспокойства.

— Мигель, сиди ровно, — сказала тихо, но тот лишь вздохнул и перестал вертеться на секунду.

Дверь в гостиную открылась. Вошла мать. Она не смотрела на меня. Взгляд был устремлен на Мигеля.

— Мигель, иди к отцу. Сейчас. Ты должен быть с мужчинами.

Брат замер, лицо вытянулось от нежелания и смутного понимания важности момента. Медленно поднялся с дивана, потянул носом, посмотрел на меня. В глазах читалась настоящая тревога.

— Если… если тебя обидят, — сказал вдруг, тихо, но очень четко, — то я их побью. Хорошо?

К горлу подкатил смешок, горький и невеселый. Губы сами собой дернулись в подобие улыбки. Этот малыш, со своими ссадинами на коленках, собирался «бить» боссов двух мафиозных семей.

— Хорошо, — прошептала. — Спасибо. Но все будет в порядке. Иди уже.

Брат еще секунду постоял, как будто хотел сказать еще, но мать сделала нетерпеливый жест рукой. Вздохнул, повернулся и пошел за ней, плечики были неестественно прямые, будто уже пытался казаться взрослым.

Тишина обрушилась на меня, густая, почти осязаемая. Я осталась одна. Совершенно одна в этой огромной, нарядной, бездушной комнате. Звук моего собственного дыхания казался слишком громким.

Смотрела на пустой диван рядом, где только что сидел Мигель, и ловила себя на мысли, что эти несколько минут, пока он был здесь, были последним островком не искусственного.

Теперь только ожидание. И тиканье массивных напольных часов в углу, отсчитывающих секунды до того, как за мной придут. Чтобы предъявить покупателю.

— Инес, — голос матери прозвучал, как щелчок замка. Она стояла в дверях гостиной, не заходя внутрь. — Иди в малый зал. Тебя ждут. Отец и Кристиан.

Встала, ощущая, как колени стали ватными. Мать подождала, пока подойду, и, когда пошли по коридору, заговори-

ла снова, не глядя, понизив голос до острого, шипящего шепота:

— Там ты поздороваешься. Потом отец выйдет, и ты останешься с ним наедине. Не знаю, о чем вы будете говорить, но запомни: не говори лишнего. Не задавай глупых вопросов. Не лезь со своими детскими идеями. Слушай. Улыбайся, если нужно. Держись достойно. Ты представляешь нашу семью. Я не хочу потом краснеть.

Слова били по затылку, как мелкие камни. Кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Понятно? Да все было слишком понятно. Я — лицо семьи. Молчаливое, улыбающееся лицо.

Подошли к двери в малый зал. Мать открыла, пропустила вперед и осталась в коридоре, будто на посту.

Вошла.

В комнате, залитой мягким светом ламп, их было двое. Отец сидел в своем привычном кресле у камина, хотя огня не было. Рядом с ним, в другом кресле, сидел мужчина. Кристиан Альварес.

В первую секунду я не увидела ни холодных глаз, ни угрозы. Увидела человека. Темные, почти черные волосы, аккуратно зачесанные назад. Загорелая, будто выгоревшая на солнце кожа. И глаза… голубые. Не ледяные, как я ожидала. Холодные — да, но живые. В них стоял какой-то сосредоточенный, оценивающий свет, но не мертвый.

— А вот и моя дочь, Инес, — сказал отец, и в голосе прозвучала привычная деловая гордость, будто представлял но-

вый, удачно приобретенный актив. — Кристиан, ты наверное ее помнишь… Года два назад она была на дне рождения Диего. Мельком.

Кристиан не кивнул сразу. На секунду задержал взгляд, как будто сверяя с воспоминанием. Потом губы чуть тронулись.

— Помню, — сказал. Голос был низким, спокойным, без металлических ноток, которые почему-то ожидала. И мужчина встал.

Поднялся плавно, без рывка, но комната вдруг стала меньше. Мой собственный рост в метр восемьдесят, который всегда делал меня высокой, вдруг показался обычным.

Сглотнула, и звук показался оглушительным в тишине комнаты. Голова слегка закружилась — от напряжения, от неожиданности.

— Инес, — произнес отец, и голос, сухой и требовательный, врезался в тишину, как щелчок бича.

Вздрогнула. Совсем по-глупому, по-детски. Руки сами собой сжались в кулаки, спрятанные в складках платья.

— Здравствуйте, — выдохнула. Голос прозвучал чуть хрипло, и тут же прочистила горло.

Кристиан не ответил на формальность.

— Здравствуй, Инес. Я не кусаюсь, — сказал, и в низком голосе послышалась легкая, едва уловимая усмешка. — Ты можешь подойти ближе. Мне неудобно разговаривать через всю комнату.

Снова мельком глянула на отца. Тот сидел неподвижно, но взгляд был тяжелым и горячим, как раскаленный уголь.

Выдохнула. И сделала два шага вперед. Расстояние между сократилось, и почувствовала исходящее от него тепло, легкий запах кожи.

Кристиан е стал ждать, пока я протяну руку. Взял мою — пальцы оказались длинными, сухими и очень твердыми. Не грубыми, но в них чувствовалась несгибаемая сила. Он не тряс ее, как делают мужчины при деловой встрече. А просто поднес руку к губам и поцеловал тыльную сторону ладони. Нежно. Почти не касаясь. Но это прикосновение обожгло кожу, будто раскаленной печатью.

— Красивое платье, — сказал тихо, все еще держа руку в своей. — Для красивой девушки.

Вся кровь разом прилила к лицу. Почувствовала, как щеки, шея, уши полыхнули огнем. Я была готова провалиться сквозь пол, раствориться, исчезнуть.

Медленно отпустил руку. Прикосновение исчезло, но ощущение губ на коже осталось, будто шрам.

Со стороны отца раздался сдержанный, одобрительный кашель.

— Инес, садись.

Голос отца срезал натянутый между нами шнур.

Поспешно одернула руку, едва не споткнувшись о край ковра, и опустилась в кресло напротив. Сидеть было неловко, спина сама собой вытянулась в струнку, руки сцепились

на коленях в мертвую, бессмысленную хватку.

Кристиан тоже вернулся на место. Усевшись, он не откинулся на спинку, а скорее пристроился в кресле, сохраняя ту же бдительную, готовую к движению позу. Его взгляд снова нашел меня, но теперь в нем не было той оценивающей остроты. Скорее — отстраненное наблюдение.

Отец заговорил первым, и слова были обращены не ко мне, а к нему.

— Ну что, Кристиан, как тебе? Совсем выросла с тех пор, да?

Вопрос прозвучал как деловой запрос о состоянии товара после осмотра. Меня снова обдало жаром, на этот раз уже не от смущения, а от жгучего стыда. Уставилась на свои пальцы, чтобы не видеть, как Кристиан будет отвечать.

— Да, изменилась. — сделал небольшую паузу, будто подбирал слова. — Стала еще красивее.

Отец одобрительно хмыкнул, будто услышал хороший отчет о доходах. В комнате снова повисло молчание, тяжелое и неловкое.

Чувствовала, как их взгляды скользят по мне, обсуждают без слов. Решали, подхожу ли.

Я была куском мрамора, который они вдвоем обтесывали для своей общей постройки.

— Инес хорошо воспитана, добра, неконфликтна, — отец продолжал перечислять, как бы зачитывая анкетные данные. — Три языка знает. И не белоручка, хозяйственная.

Каждое слово било по самоощущению, превращая меня в идеализированную картинку из каталога.

Кристиан слушал молча, не перебивая. Когда отец закончил, слегка наклонил голову.

— Спасибо, Радриго. Но я думаю, такие вещи лучше узнавать лично. От самой Инес. — перевел взгляд на меня. — Ведь у нас еще будет время поговорить наедине, не так ли?

Отец замер на секунду, оценивая. Потом лицо расплылось в деловой, одобрительной улыбке.

— Несомненно. Я как раз должен проверить Мигеля. Боюсь, он там скалится на вашего Амадо. — поднялся с кресла, костяшки пальцев хрустнули. Подойдя ко мне, наклонился так, что губы почти коснулись уха, и прошипел тихо, но с такой силой, что мурашки пробежали по коже: — Будь хорошей девочкой, Инес. Не подведи.

Запах одеколона, табака и власти на секунду окутал. Затем выпрямился, кивнул Кристиану и вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Щелчок замка прозвучал невероятно громко.

Тишина после ухода отца была другой. Она не давила — она зияла пустотой, которую нужно было заполнить. Звук нервных пальцев, теребящих шелк платья, казался оглушительным.

— Боишься?

Вопрос прозвучал неожиданно тихо, без прежней деловой отстраненности. Просто вопрос.

Подняла глаза.

— Нет, — сказала первое, что пришло в голову, но голос выдал, дрогнув на последней согласной. — Просто… волнуюсь. Все это так…

Не нашла слова. «Нелепо»? «Ужасно»? «Неизбежно»?

Кристиан медленно, будто обдумывая каждое слово, сказал:

— Меня можешь не бояться.

Откинулся в кресле чуть сильнее, но поза не стала расслабленной. Это была поза человека, который контролирует пространство даже в состоянии кажущегося покоя.

— Волноваться — нормально, — продолжил, и голос снова стал ровным, почти нейтральным. — Я тоже не особо представлял, как это должно выглядеть. Сватовство… не самая привычная для меня область.

Сказал это с легкой, едва слышной усмешкой в конце фразы, как будто признавая абсурд ситуации.

Искала, о чем говорить. О чем вообще можно говорить с человеком, который через несколько дней станет твоим мужем, но при этом останется чужим? Город показался безопасной темой.

— И как там в Барселоне? — спросила, и вопрос прозвучал слишком громко в тишине.

Мужчина на секунду задумался, будто вспоминая не город, а отчет.

— Обычно. Погода пока радует, хоть скоро и зима. Сол-

нечно. — говорил ровно, без лишних деталей. — Дела, работа, договоры, вечера. Ничего нового.

Слушать его было странно. Он описывал жизнь, но звучало это как перечень пунктов в ежедневнике.

Я ждала большего — может, упоминания о шуме улиц, запахе моря, вкусе кофе в той или иной кофейне. Но этого не было.

Потом он сменил тему сам, и в голосе появился легкий, едва уловимый оттенок тепла.

— Мигель у тебя забавный. Настоящий стражник у дверей.

Невольно улыбнулась, представив брата, надувшего щеки.

— Да он… он просто еще ребенок. В хорошем смысле.

Кристиан кивнул, взгляд на секунду стал отстраненным, будто смотрел не в комнату, а внутрь себя.

— Детство это хорошо, — сказал просто. — Не надо задумываться о многом. Просто живешь.

Помолчал, а потом спросил, и голос снова стал более приземленным, деловым:

— Тебя хоть немного знакомили с тем, как все устроено? С тем, что будут ожидать от тебя?

Смотрела на его прямой, неподвижный взгляд будто вытягивал из меня ответ. В голове пронеслись обрывки разговоров, наставления матери, сухие фразы отца. Свадьба. Церемония для чужих глаз. Брачная ночь — обязательный, лишенный всякой тайны ритуал. Наследник. Мальчик, который

должен родиться, чтобы скрепить сделку еще крепче.

Все это было сказано, объяснено, вбито в голову. Никаких иллюзий.

— Да. Мне… объяснили. В общих чертах.

Не стала уточнять, в каких именно. Не стала говорить про холод в животе каждый раз, когда я об этом думала.

— Это упрощает. Не будет ложных ожиданий.

«Упрощает». Да, наверное. Когда знаешь, что ты — деталь в механизме, проще принять свою роль. Не нужно гадать, ждать чуда, строить воздушные замки. Просто делай то, что от тебя требуется.

Сжала пальцы под складками платья, чувствуя, как ладони становятся влажными.

— А что… что ожидается от вас? — спросила вдруг, сама удивившись своей смелости. — В этом… союзе.

Вопрос был рискованным. Но вдруг отчаянно захотелось понять не только свою функцию, но и его. Быть может, мы были в одной лодке, скованные одной цепью.

Кристиан замер на секунду, голубые глаза стали чуть острее, будто заново оценивал меня после вопроса. Потом угол губ дрогнул.

— От меня ожидается много чего, — сказал медленно, расставляя акценты. — Обеспечить твою безопасность. Обеспечить безопасность нашего дома. Обеспечить… все, что ты захочешь. В разумных пределах, разумеется.

Его слова звучали как сухой перечень обязанностей из

контракта. Но в последней фразе — «все, что ты захочешь» — прозвучала странная нота. Не обещание исполнения капризов, а скорее признание факта: его ресурсы позволят это сделать. Безопасность и материальное благополучие как гарантированный минимум.

Затем мужчина встал. И вместо того чтобы остаться на расстоянии, сделал несколько шагов и остановился прямо передо мной.

Замерла, не в силах пошевелиться.

Кристиан опустился на корточки, оказавшись почти на одном уровне со мной. Теперь я смотрела прямо в глаза, и это было невыносимо интенсивно. В них не было угрозы, но была невероятная, подавляющая концентрация. Он целиком захватывал внимание.

Мягко взял руку. Пальцы были теплыми и твердыми. Потом другой рукой достал из внутреннего кармана пиджака небольшую бархатную коробочку темно-синего цвета.

Сердце в груди сорвалось с места, забилось дико и гулко, будто пытаясь вырваться наружу. Кровь прилила к лицу, а кончики пальцев, наоборот, похолодели.

Открыл коробочку одним движением. Внутри, на черном бархате, лежало кольцо. Не огромный, кричащий камень, а изящное кольцо с одним бриллиантом идеальной огранки. Оно было красивым. Очень красивым. И абсолютно чужим.

— Инес Бланко, — произнес имя четко, негромко, и в голосе не было ни капли пафоса или фальшивой нежности. Бы-

ла только неотвратимость происходящего.

Снял кольцо с бархатной подушки, и металл холодно блеснул в свете ламп. Затем направил к безымянному пальцу моей руки.

Я не сопротивлялась. Я не могла даже пошевельнуться. Я только смотрела, как холодный золотой ободок скользит по моей коже и останавливается у основания пальца.

Он надавил чуть сильнее, протолкнул кольцо до упора.

Кольцо село идеально. Как будто делали по слепку.

Теперь оно было на мне. Физическое, тяжелое доказательство того, что все — реально. Обещание, контракт, собственность — все в одном холодном сверкающем камне.

Мужчина все еще держал руку в своей, не отпуская, взгляд поднялся с кольца на лицо.

Слова — «Инес Бланко» — еще висели в воздухе, а на моем пальце уже лежал холодный, чуждый вес.

Смотрела на бриллиант, который ловил свет и дробил на мелкие, колючие лучи.

— Раз кольцо на моем пальце, — выдохнула, почти не осознавая, что говорю вслух, — то я уже не Бланко.

Голос был тихим, прерывистым. Я только что потеряла свое имя. Оно осталось здесь, в этом доме, с отцом и Мигелем.

— Альварес, — сказал Тихо, но так, будто вбивал это слово в саму ткань реальности. Новое имя. Новая идентичность, которую вручал вместе с кольцом.

И затем, не отрывая от меня взгляда, поднял свободную руку и положил мне на колено. Ладонь была широкой, теплой, тяжелой. Прикосновение было не грубым, но безусловно властным. Через шелк платья я чувствовала его тепло и давление.

Это был жест одновременно успокаивающий и окончательный.

Сидела, застывшая, с кольцом, жгущим кожу на пальце, и с рукой на колене, отмечающей новую границу моей жизни. И не знала, плакать мне или просто перестать дышать.

У него уже было право. Негласное, но абсолютное. Право стоять так близко, что я чувствовала тепло тела. Право касаться меня.

Большой палец, лежавший на колене, едва заметно сдвинулся — не погладил, нет, это было бы слишком нежно. Просто провел по шелку короткую, твердую линию, утверждая контакт. Затем убрал руку и поднялся во весь рост, снова отдаляясь и заполняя собой комнату.

— Свадьба через пару дней, — повторил, как бы возвращая разговор в практичное русло после этого молчаливого, властного жеста. — Надеюсь, у вас уже все готово.

«О да, — мысленно ответила. — У нас все готово».

Мать купила платье еще две недели назад, когда все было решено окончательно. Оно висит в гардеробе, зачехленное, безликое. Его выбирали без меня, по меркам и фотографиям.

Видела один раз — белое, тяжелое, усыпанное жемчугом, похожее на саван. Остальное — банкет, гости, церемония — было делом других людей. Мне оставалось только появиться в нужный момент в нужном виде.

— Да, — кивнула, чувствуя на колене призрачное, жгучее эхо прикосновения. Там, где лежала ладонь, ткань платья казалась теперь другой — отмеченной. — Все готово.

Кристиан протянул руку — не для поцелуя, а открытую ладонь вверх, молчаливый приказ и предложение помощи одновременно.

Медленно подняла взгляд от руки к лицу, затем, после секундного колебания, вложила холодную ладонь в теплую и сильную хватку.

Мужчина поднял одним уверенным движением, как будто я весила ничего. Оказалась на ногах, внезапно осознав, как близко теперь стоит. Ближе, чем когда сидел на корточках. Наши тела разделяли считанные сантиметры.

— Думаю, нам пора вернуться к другим, — сказал тихо, вполголоса.

Слова были обращены ко мне, но взгляд на секунду задержался на губах, потом снова поднялся к глазам. Кристиан не отступал. Его дыхание — ровное, спокойное — коснулось лба, смешалось с воздухом, которым дышала я. В этом не было ничего намеренного, ничего похотливого. Это было просто следствие близости. Но от этого прикосновения дыхания по коже побежали мурашки, и сердце, которое только-толь-

ко начало успокаиваться, снова забилось глухими, тяжелыми ударами в горле.

Глава 3

Вес кольца на пальце казался непомерным, оно жгло кожу, напоминая о только что закончившейся встрече. О его дыхании на моем лбу. О его руке, державшей мою.

Отец стоял перед камином, спиной к пустому очагу. Фигура отбрасывала длинную, зловещую тень, которая накрывала меня с головой.

— Брачная ночь должна быть, — произносил, и слова падали, как камни, в тишину комнаты. — Это не обсуждается. Это обязательный пункт. Ты должна преподнести ему невинность, Инес. Чистоту. То, что принадлежит ему по праву.

Сделал паузу, взгляд упал на руку, лежавшую на колене.

— Ты уже отдала ему свое имя. В брачную ночь ты отдашь ему все остальное. То, что уже, по сути, является его собственностью.

В горле встал ком. Пыталась глотать, но не могла. Воздух не проходил.

— Твоя задача, — продолжал, и голос стал еще жестче, — быть послушной. Не сопротивляться. Не плакать. И упаси тебя боже кричать или показывать свой испуг. Ты не дикарка. Ты дочь Радриго Бланко. Ты примешь своего мужа с достоинством и молчанием.

Видела его лицо — непроницаемое, каменное. В нем не было ни капли отцовской нежности, только холодный расчет

хозяина, передающего ценное имущество с полным набором правил.

— Поняла?

Заставила себя кивнуть. Движение было резким, отрывистым. Боялась, что если попытаюсь сказать «да», то вместо слова вырвется другое — стон, или крик, или просто воздух из лопнувшего внутри пузыря.

— Хорошо, — сказал он, удовлетворенно. — Все остальное — твои обязанности по дому, твое поведение на людях — мать тебе объяснит. Запомни главное: ты — лицо союза. Каждое твое действие, каждый твой вздох будут иметь значение.

Отвернулся, будто закрывая тему. Разговор был окончен. Инструкция выдана. Теперь мне оставалось только исполнить. Молча. Без крика.

Ноги были чужими, непослушными колодами. Вышла из кабинета, и дверь закрылась за мной с мягким, но окончательным щелчком, будто вход в мою прежнюю жизнь захлопнулся навсегда.

В коридоре ждала мать. Она стояла, прислонившись к стене, и смотрела. Взгляд был быстрым, сканирующим: оценил лицо, позу, выражение глаз. Не выдержала этого взгляда и сразу опустила глаза в пол, к узору на ковре.

— Пойдем.

Послушно пошла за ней, как автомат. Поднялись по лестнице в мою комнату. Та вошла первой, и комната сразу на-

полнилась ее присутствием, запахом, холодной энергией.

— Садись на кровать.

Села на край, туда, где утром сидел Мигель. Пружины мягко вздохнули.

Мать подошла к комоду, открыла сумочку и достала оттуда небольшую, изящную коробочку, обтянутую шелком. Положила передо мной на покрывало.

— На брачную ночь наденешь вот это, — сказала, и голос был лишен каких бы то ни было интонаций. — Открывай.

Послушно потянулась к коробочке. Пальцы дрожали, и ленточка развязалась не сразу.

— Инес, ты воды в рот набрала или что? — голос врезался в тишину, резкий и раздраженный.

Вздрогнула.

— Нет.

— Тогда почему молчишь, как рыба? Я с тобой говорю! Боже, что за горе, даже на простой вопрос ответить не можешь!

Не ответила. Просто продолжила открывать коробочку, стараясь, чтобы руки не тряслись. Сняла крышку. Внутри, на мягкой ткани, лежало…

Медленно, двумя пальцами, как что-то хрупкое и опасное, достала это.

Это было нижнее белье. Которое и бельем-то назвать было трудно. Пастельно-розовое, воздушное, из тончайшего шелка и кружев. Оно было откровенным, соблазнительным,

созданным не для комфорта, а для одного-единственного взгляда. Для того, чтобы его сняли. В нем было столько искусственной невинности и столько же откровенного вызова, что у меня перехватило дыхание.

Держала на вытянутых руках, как змею, не в силах отвести взгляд и не в силах смотреть.

— Нравится? — спросила мать, и в голосе я уловила странную смесь — циничной практичности и гордости. За правильный выбор аксессуара? — Это от лучшей бельевой мастерской в Барселоне. Кристиан оценит.

Она говорила о оценке, как о высшей похвале. Мне стало физически плохо. Тошнота подкатила к горлу.

— Ты наденешь это, — продолжила, уже снова строго. — Ты примешь ванну, надушишься. И будешь ждать в спальне. Ты не ляжешь под одеяло, как трусиха. Ты сядешь на кровать и будешь ждать. Покажи, что ты не дикая девочка, а женщина, которая знает, что делает.

Смотрела на этот розовый шелк в своих руках, и мне казалось, что я держу не белье, а собственную кожу, которую с меня вот-вот снимут.

— Да. Поняла.

Слово «поняла» ничего не значило. Оно просто закрывало эту пытку.

— Хорошо. — удовлетворенно кивнула, как будто поставила галочку в списке дел. — И чтобы все было идеально, в день свадьбы, после церемонии, но до вечера, приедет де-

вушка. Специалист. Она сделает тебе все необходимое.

Мать сделала легкий, отточенный жест рукой в области моего бедра.

— Дипиляцию. Оставит только аккуратную прическу в зоне бикини. Современно и красиво.

Она говорила об этом так, будто обсуждала стрижку или маникюр. Как об еще одном элементе подготовки товара к передаче. Предмета.

Мое тело нужно было подготовить, привести в соответствие с некими стандартами, о которых я даже не подозревала.

Сидела, сжимая в руках шелковое белье, и смотрела в пол. Мысль о том, что в день, который должен быть самым важным в моей жизни, ко мне придет незнакомая женщина с горячим воском, чтобы… обработать меня, как кусок мрамора перед резьбой, вызвала новый приступ тошноты. Бездушно.

— Уяснила?

Снова кивнула, не в силах произнести ни слова. Да что тут было говорить? Все было решено. Даже волосы на моем теле не принадлежали мне.

— Скоро приедет твоя кузина Альба. Погостит пару дней до свадьбы. Можете… поговорить. — произнесла это слово с легким оттенком пренебрежения, будто «разговоры» были пустой тратой времени. — Не знаю, что вы там будете делать. Вспоминать детство, болтать о ерунде. Пусть.

Потом резко повернулась. Лицо было строгим, жестоким.

— Но, Инес, слушай очень внимательно. — сделала паузу, чтобы убедиться, что я смотрю на нее. — Если я хоть краем уха услышу, что ты кому-то, даже Альбе, начинаешь чистить мозги насчет этой свадьбы… Жаловаться, ныть, сеять сомнения… Я не знаю, что я с тобой сделаю. И боюсь даже представить, что с тобой сделает твой отец, если до него дойдут такие разговоры. Он не станет разбираться. Ты испортишь все. Всю нашу репутацию. Весь союз.

Подошла ближе, нависла надо мной. Ее духи ударили в нос, густые и удушающие.

— Ты будешь улыбаться. Ты будешь светиться. Для Альбы, для гостей, для всех. Ты будешь самой счастливой невестой на свете. Показывай всем, что ты на седьмом небе. Что это — твой осознанный и радостный выбор.

Ее взгляд буравил меня, выжимая последние капли покорности.

— Ты уже не ребенок, Инес. Пора понять, в каком мире мы живем. Здесь сентименты — роскошь, которую мы не можем себе позволить. Особенно ты.

Выдержала паузу, давая словам впитаться. Потом выражение смягчилось на полградуса, став просто холодно-деловым.

— Теперь соберись. Приведи себя в порядок. Альба будет здесь к ужину. И я хочу видеть улыбку. Настоящую. Или ту, которую все примут за настоящую.

— Хорошо, мам, — прошептала. Звук был таким тихим,

что его едва ли можно было расслышать. Он затерялся в складках платья, в тяжести кольца на пальце.

— Громче.

Я заставила себя поднять на нее глаза. Собрать воздух в легкие, которые будто сжались. Вытолкнуть слова наружу, придав им объем, убедительность, которых во мне не было.

— Хорошо, мам.

На этот раз голос прозвучал отчетливо, звонко, как колокольчик. Фальшивый, пустой колокольчик.

— Умничка. Все, давай. Приведи себя в порядок.

Развернулась и вышла из комнаты, не оглядываясь. Дверь закрылась за ней с тихим, но твердым щелчком.

Осталась одна. С шелковым бельем в руках, с огнем стыда на щеках и с ледяной пустотой внутри. Сидела на кровати, слушая, как ее каблуки отдаляются по коридору. Звук затих. Тишина снова сгустилась, но теперь она была другой — не ожидающей, а похоронной. Это была тишина после приговора.

«Все, давай».

Как будто можно было просто взять и начать. Начать улыбаться. Начать радоваться. Начать готовиться к тому, чтобы лежать неподвижно и молчать, пока незнакомый мужчина забирает то, что, как сказал отец, уже принадлежит ему.

Я разжала пальцы. Розовая ткань безжизненно соскользнула с моих ладоней на покрывало. Посмотрела на кольцо. Звезда, которая вела меня не к мечте, а в самый центр чужо-

го, хорошо охраняемого лабиринта.

***

Визг колес на гравии подъездной дорожки, быстрые шаги в прихожей — все это ворвалось в застывший дом, как свежий, резкий ветер. А потом она уже была здесь, в дверях моей комнаты.

— Инес!

Влетела, пахнущая дорогой, дорогими духами и свободой, которой у меня не было. Темные волосы были завиты в модные локоны, карие глаза блестели от возбуждения и любопытства. Обняла меня так крепко, так по-настоящему, что на секунду перехватило дыхание — от неожиданности этой искренности.

— Привет! Боже, давно мы не виделись! Ты выглядишь… — отступила на шаг, окинула взглядом с ног до головы, и блестящие глаза на секунду стали внимательнее, будто она прочла на моем лице. Но тут же улыбка вернулась. — Ты выглядишь потрясающе! Невеста!

Альба была старше меня на два года. Ее тоже выдали замуж. За какого-то важного человека из семьи. Вроде бы она счастлива. По крайней мере, так говорили. И так она выглядела — отполированной, уверенной, привыкшей к своей роли.

— Привет, — заставила губы растянуться в улыбку. Та самая, которую требовала мать. — Рада тебе.

— Ух, у тебя скоро свадьба! — воскликнула, хлопая в ладоши. — Помню я свою… Боже, какой это был переполох! Но весело было, знаешь ли? Столько гостей, столько шума…

— Альба! — В дверях, как тень, появился Мигель. Он стоял, засунув руки в карманы, стараясь выглядеть взрослым и равнодушным, но глаза выдавали его интерес.

Альба повернулась к нему, и ее лицо озарилось озорной улыбкой.

— А ты чего не спишь, а? Карапуз.

— Я не карапуз! — Мигель надул щеки, немедленно слетев с позиции взрослого.

— Еще какой! — засмеялась Альба. — Я тебя вот такого помню, — она сжала указательный и большой пальцы, оставив между ними сантиметр. — Вот такого! И на руках качала, когда ты ревел!

— Врешь! — Мигель покраснел от негодования.

— Я? Вру? — Альба приложила руку к груди с преувеличенным драматизмом, глаза искрились весельем. — Я? Никогда в жизни не вру! Клянусь! Ты был крошечный, красный и очень громкий!

Девушка рассмеялась звонко, беззаботно, и этот смех казался самым настоящим звуком из всех, что слышала за последние дни.

Смотрела на них — на Альбу, дразнящую Мигеля, на Мигеля, забывшего о своей важности и просто злящегося, как обычный мальчишка, — и мне вдруг дико захотелось, чтобы

этот момент длился дольше. Чтобы можно было просто стоять здесь и слушать, как кто-то смеется.

— Все, карапуз, — отмахнулась Альба, делая вид, что отмахивается от назойливой мухи. — Разговор окончен. Мы с Инес будем сейчас баловаться, обсуждать девчачьи секреты, а тебе тут не место. Уходи-уходи.

— Я хочу с вами, — уперся Мигель.

Альба грациозно поправила локон, глядя на него свысока с преувеличенной серьезностью.

— А мы будем о женских штучках говорить. Ну знаешь… — понизила голос до конспиративного шепота, хотя в комнате, кроме нас, никого не было. — Мальчишки. Помады. Платья. Шоппинг. Скукотища для таких храбрых воинов, как ты.

Мигель скривился, всем своим видом показывая глубочайшее презрение.

— Фу… Дуры.

Он даже не успел отскочить.

— Дуры?! — Альба вскинула брови с таким драматическим ужасом, будто оскорбил королевскую особу. — Ты нас, двух прекрасных дам, только что назвал дурами?

В одно мгновение она наклонилась, схватила первую попавшуюся подушку и, не целясь, швырнула в Мигеля мягким, но решительным броском.

— Вот тебе за оскорбление!

Подушка угодила прямо в лицо. Мигель издал тонкий, визгливый звук, больше от неожиданности, чем от боли, раз-

вернулся на каблуках и бросился бежать вон из комнаты, смех и возгласы смешались в одно неразборчивое «А-а-а!».

Альба проводила его взглядом, улыбаясь, а потом плюхнулась рядом со мной на кровать, откинувшись на спину.

— Ох, надо же было выпустить пар. Этот малыш всегда умел меня развеселить. — Она повернула ко мне голову, и улыбка стала мягче, менее показной. — А ты как ты, Инес?

— Ну как… — пожала плечами, и жест вышел слишком резким, выдавшим напряжение. — Скоро свадьба. Думаю о том, как буду выглядеть в платье… как перееду в Испанию… Все такое.

Говорила на автомате, повторяя безопасный, заученный текст. Как будто свадьба — это только платье и география.

Альба прищурилась, и в карих глазах мелькнуло понимание. Но вместо того чтобы давить, вдруг скривила рот и сказала с преувеличенным акцентом:

— И будешь там есть… апипины! — Намеренно исказила слово «апельсины», сделав его смешным и нелепым.

— Альба, замолчи! — фыркнула, толкнув плечом, и на губах против воли дрогнула улыбка. Это был наш старый, детский код. Глупые шутки, чтобы разрядить напряжение.

— А что? — подняла брови, изображая наивность. — Я, Инес, и я люблю апипины! Особенно те, что в Барселоне! — говорила это так серьезно, с таким комичным пафосом, что не выдержала и рассмеялась. Коротко, сдавленно, но от души. На мгновение тяжесть отступила.

Но смех быстро угас, оставив после себя еще более острое ощущение нереальности происходящего. Альба перестала дурачиться. Лицо стало серьезным.

— Ладно, — вздохнула, откидываясь на подушки. — Шутки в сторону. Правда, Инес. Этот… Кристиан. Ты с ним хоть говорила? Или все как обычно — увидишь в первый раз у алтаря? — В голосе не было осуждения, только усталое знание общих правил нашей жизни.

Не стала ничего объяснять. Просто медленно подняла левую руку и показала кольцо. Бриллиант холодно сверкнул в свете лампы.

Альба притихла. Наклонилась поближе, рассмотрела камень, оправу, потом перевела взгляд на лицо.

— М-м-м, колечко… — протянула, и в голосе зазвучал неподдельный интерес, смешанный с легкой иронией. — Ну что, он на одно колено встал, как в кино? Или просто… вручил, как повестку?

Опустила руку, снова уставившись в узор на покрывале.

— Он… на корточки присел. Передо мной. Потом кольцо. — сделала паузу, чувствуя, как жар поднимается к щекам при воспоминании. — И… еще руку на колено положил.

— На колено? — Альба привстала на локте, глаза округлились от неподдельного изумления. — Прямо так? Не церемонясь?

— Да, — прошептала. Тяжесть ладони, тепло сквозь шелк, этот властный, утверждающий жест — все это всплы-

ло с болезненной четкостью.

Альба присвистнула тихо, оценивающе, и на лице расплылась медленная, понимающая ухмылка.

— Ох-ох-ох… — протянула, качая головой. — У кого-то, я смотрю, будет очень жаркая но…

— Заткнись! — сорвалась с места, схватила первую попавшуюся подушку и швырнула прямо в лицо.

Альба с визгом поймала подушку, заслонившись, и рассмеялась — не злорадно, а с тем самым старым, озорным смехом, который помогал нам когда-то пережить все неприятности.

— Ладно, ладно, не кипятись! — замахала рукой, все еще хихикая. — Просто… наблюдаю. Мой мужчина в свое время был куда менее… решительным. А этот твой Кристиан… Он, я смотрю, знает, чего хочет и берет. Сразу.

— Ты просто дура, — буркнула, но уже без злости, скорее устало. Снова уткнулась в покрывало, теребя край простыни. Вопрос вертелся на языке, жгучий и стыдный. Я заставила себя выдохнуть его. — Это… больно?

Альба перестала смеяться. Она притихла.

— Что?

— Не делай из себя дуру, Альба. Ты знаешь, о чем я.

Она откинулась на подушки, лицо стало серьезным, детская озорность исчезла без следа.

— А…

Горячая волна стыда накатила снова, но теперь противо-

стояла острая, животная потребность знать.

Альба помолчала, подбирая слова.

— Ну… — начала осторожно. — У меня… было больновато. Да. Первый раз. Не то чтобы невыносимо, но… неприятно. Как будто тебя… ну, не в том месте и слишком быстро.

Она говорила без прикрас, без романтики, голым, физиологичным языком, и в этом была своя жуткая правда.

— А так… — пожала плечами. — Терпимо. Потом привыкаешь. Некоторые даже начинают получать от этого удовольствие, но это… — махнула рукой, — как повезет. Главное — расслабиться. Насколько это возможно в такой ситуации. Чем больше напрягаешься, тем хуже.

Слушала, и слова падали в пустоту внутри меня, как камни в колодец. «Терпимо». «Привыкаешь».

— Спасибо.

Альба снова вздохнула и потянулась, чтобы обнять меня за плечи.

— Эх, Инес… Держись. Правда. В нашей жизни много чего просто надо перетерпеть. А потом… потом как-нибудь устроишь себе отдушины. Маленькие радости. Шоппинг, путешествия, красивые вещи… — говорила это без особой веры, как заученную мантру выживания. — Мужья наши вечно заняты. У тебя будет своя жизнь. Тихую, красивую, удобную клетку себе построишь. Главное — не пытайся вырвать прутья.

Она говорила о терпении. Об удобных клетках. О прутьях,

которые не стоит пытаться гнуть.

Она была всего на два года старше. Но в глазах я видела отражение того, во что, возможно, превращусь сама через пару лет. Не женщину, а… обитательницу. Аккуратного, хорошо одетого, обученного правилам узника в золотой тюрьме.

Она говорила об отдушинах — о шоппинге, о безделушках. И я вдруг с ужасающей ясностью поняла, что именно это и ждет. Не жизнь, а ее суррогат. Набор разрешенных, безопасных утешений, которые должны заменить все остальное — любовь, страсть, выбор, простую человеческую близость.

Ее слова, такие практичные и безнадежные, не утешили. Они окончательно хоронили последние, наивные детские надежды, которые, оказывается, еще теплились на дне. Никакого чуда не будет. Никакого «а вдруг». Будет терпение. Привыкание. И тихая, красивая жизнь, лишенная смысла.

Отвела взгляд, снова уставившись в стену. Слова застряли в горле. Что можно было сказать? «Спасибо за честность»? Или «Мне страшно»?

Просто сидела, чувствуя, как внутри застывает тяжелое и холодное, как тот самый бриллиант на моем пальце.

Глава 4

Сидела перед зеркалом, окруженная чужими руками и запахами. Девушка поправляла уже идеальные локоны, вколотые в сложную, невесомую прическу. Другая кисточкой наносила последние штрихи теней, делая мои и без того огромные от напряжения глаза еще больше, еще бездоннее.

На мне было платье — белое, пышное, усыпанное жемчугом и кристаллами, тяжелое, как доспехи. Оно сковывало движения, заставляло держать спину неестественно прямо.

Из-за двери доносился смутный гул голосов, музыка, смех. Весь дом и сад были заполнены гостями — друзьями семьи, союзниками, людьми, для которых эта свадьба была красивым событием в социальном календаре или важной вехой в бизнесе.

Никто не слышал тихого звона в моих ушах.

Мать появилась в дверях, уже в своем лучшем вечернем платье. Окинула критическим взглядом, поправила несуществующую складку на фате.

— Идеально, — произнесла, и в голосе прозвучало удовлетворение мастера, закончившего работу. — Запомни, улыбайся. Сейчас за тобой зайдет отец.

Вышла, оставив наедине с горничной, которая закрепляла последнюю шпильку. Девушка поймала взгляд в зеркале и на секунду лицо выразило что-то вроде жалости, но тут же

опустила глаза.

Потом пришел отец. Тот был в строгом смокинге, лицо сияло торжественной гордостью. Подошел, взял руку, положил на локоть.

— Ну что, дочка, пора. Ты прекрасно выглядишь. — говорил это не мне, а той кукле в зеркале. — Пойдем. И помни — все для семьи.

Дверь распахнулась. Гул голосов нахлынул, смешавшись с торжественными аккордами музыки.

Сделала шаг вперед, опираясь на руку. Впереди был длинный проход, уставленный глазами сотен людей, и в конце — высокий, прямой силуэт в черном. Кристиан ждал.

Улыбнулась. Той самой, идеальной, отработанной улыбкой. И пошла навстречу своей судьбе.

Отец вел под руку, и каждый шаг отдавался глухим стуком каблуков по полу, а потом по лепесткам роз, рассыпанным вдоль прохода.

Белое кружево мантильи — мантон де манила — мягко колыхалось вокруг моего лица, создавая полупрозрачную завесу между мной и миром. Сквозь тонкую ткань лица гостей расплывались в цветные пятна, улыбки становились безликими масками.

Отец подвел к самой арке, увитой белыми цветами. Музыка смолкла, и в наступившей тишине стало слышно только мое собственное неровное дыхание под тканью.

Сжал руку на своем локте — не для поддержки, а как по-

следнее, беззвучное напоминание. Потом взял руку и переложил ее. В ладонь, которая теперь была моей опорой, легла другая рука. Большая, твердая, теплая. Рука Кристиана.

Отец отступил на шаг, растворившись где-то сбоку. Теперь мы стояли вдвоем под аркой, лицом к священнику.

Кристиан был так близко, что чувствовала тепло тела сквозь слои одежды. Профиль был резким и неподвижным, взгляд устремлен вперед.

Священник начал говорить. Слова лились знакомым, торжественным потоком — о долге, верности, союзе перед Богом.

Смотрела на губы священника, но не слышала смысла, только густой, ритуальный гул. Вес платья, кружево на лице, твердая рука Кристиана — все это сливалось в одно ощущение нереальности, будто я наблюдала за всем со стороны.

— Инес Бланко, согласна ли ты взять этого мужчину…

Голос будто доносился из-под воды. Почувствовала, как пальцы Кристиана слегка сжали мои. Нежно, но ощутимо.

Перевела взгляд. Кристиан медленно повернул голову. Сквозь кружево мантильи лицо было слегка размытым, но видела взгляд. Тот же сосредоточенный, прямой, живой взгляд.

Воздух застрял в груди. Открыла рот. Голос, который прозвучал, был тихим, но четким.

— Согласна.

Священник повернулся к нему, и голос снова обрел от-

четливость в моем оглушенном сознании.

— Кристиан Альварес, согласны ли вы взять в жены эту девушку, чтобы жить с ней по закону Божьему…

— Согласен.

Его голос прозвучал низко, ровно, но с такой невероятной плотностью, что слово будто отпечаталось в самой тишине.

Это «согласен» отозвалось не эхом радости, а глухим ударом, окончательным щелчком замка. Сделка была скреплена.

Его большой палец провел едва заметную линию по моей костяшке — тот же жест, что и тогда, в гостиной.

Ты моя.

Священник что-то продолжал говорить, но звуки снова поплыли, превратились в фон. Стояла, закованная в шелк и жемчуг, с рукой в руке, и смотрела сквозь кружево на профиль. На человека, который только что стал моим мужем. Чужака, чье дыхание теперь буду чувствовать каждую ночь, чьи приказы буду выполнять, чье имя буду носить.

«Альварес».

Оно уже не было просто словом. Оно было кожей, в которую мне предстояло врасти. Или содрать с себя с кровью.

— Объявляю вас мужем и женой.

Слова прозвучали как приговор, вынесенный торжественным тоном. И тут же, будто по заранее написанному сценарию, священник добавил:

— Жених может поцеловать свою невесту.

Тихий, одобрительный вздох прошел по рядам гостей. Кристиан повернулся. Его движения были неторопливыми, уверенными.

Руками бережно взялся за края моего мантон де манила. Медленно, почти церемониально, откинул назад, сложив на плечах. Теперь между нами не было преград. Только сантиметры воздуха, пахнущего цветами и его одеколоном.

Видела глаза вблизи. Голубые, ясные, смотрящие прямо в меня. В них не было ни страсти новобрачного, ни фальшивой нежности.

Наклонился. Замерла, забыв дышать. Губы коснулись моих — мягко, сухо, ненадолго. Оттиск. Физическое скрепление только что произнесенных слов. Губы были теплыми, и от этого прикосновения по спине побежал холодок.

Отстранился так же плавно, как и наклонился. Взгляд скользнул по лицу, будто проверяя эффект. Потом снова взял руку, уже привычным, властным жестом, и повернул лицом к залу.

Гости разразились аплодисментами. Музыка грянула с новой силой. Кристиан поднял нашу сцепленные руки в немом, победном жесте.

Стояла, все еще чувствуя на губах призрачное тепло поцелуя.

— Свадебный лассо! — гаркнул кто-то сбоку, и чьи-то руки — вероятно, шаферов или родственников — осторожно, но быстро накинули на наши с Кристианом плечи длинную

белую петлю из шелковых жемчугов и цветов — ласо.

Она легла на мои плечи поверх мантильи и на плечо Кристиана, символически связывая нас. Тот не шелохнулся, лишь слегка наклонил голову, позволяя это сделать. Рука в моей сжалась чуть сильнее.

— Тринадцать монет! — пронесся другой возглас. Кто-то подал Кристиану небольшую бархатную шкатулку.

Мужчина открыл, взял оттуда горсть старинных золотых монет — аррас. Повернулся ко мне, и лицо на секунду стало таким же формально-сосредоточенным, как у священника. Взял свободную руку, положил монеты на ладонь, а затем сомкнул пальцы над ними своими.

Жест означал обет обеспечивать, а мое принятие монет — согласие доверить ему это.

— Букет для Девы Марии! — раздался женский голос.

В руки сунули небольшой, изящный букет белых лилий и роз. Машинально взяла его. По обычаю, позже нужно будет возложить к статуе Девы, прося благословения для брака.

Стояли, опутанные шелковым лассо, с монетами в одной руке и букетом в другой, связанные еще и нашими сцепленными пальцами. Полная, многослойная символика союза, обручавшая нас со всех сторон. Каждый жест, каждый предмет был еще одним витком веревки, еще одним замком на дверце.

Кристиан слегка потянул за руку, указывая, что пора двигаться — по проходу, через толпу гостей, которые уже тя-

нулись, чтобы обнять, поздравить, осыпать нас лепестками и рисом. Его лицо было непроницаемо спокойным, лишь в уголках глаз читалась легкая, деловая удовлетворенность от хорошо проведенного ритуала.

Я шла, утопая в шелесте платья, в запахе цветов, в грохоте чужих голосов, чувствуя на плечах вес лассо и на пальцах — холод металла, который он мне вручил.

***

Шум стал оглушительным — звон бокалов, смех, музыка, перекрывающие друг друга голоса.

Сидели во главе длинного стола, уставленного цветами и серебром. Кристиан — непринужденно откинувшись на спинку стула, время от времени обмениваясь короткими репликами с подходящими мужчинами. Я — с прямой спиной, с застывшей на лице улыбкой, к которой уже начинала болеть челюсть.

Потом внесли высокий, ослепительно белый, украшенный сахарными цветами и изящными завитками торт. Вокруг сразу же возникло оживление, особенно среди женщин. По традиции, внутрь такого торта запекают маленькие фигурки — мальимитос. Кто найдет в своем кусочке фигурку, тот скоро выйдет замуж или женится.

Ко мне потянулись мои подружки — точнее, девушки, которых назначили моими подружками невесты. Двоюродные сестры, дочери союзников. Их лица были оживлены азартом

и вином.

— Инес, ну давай, режь! Дай нам уже узнать нашу судьбу! — смеялась одна из них.

— Да, давай, не томи!

Взяла в руки длинный, украшенный лентой нож. Лезвие холодно блеснуло. Кристиан наблюдал сбоку, выражение было отстраненно-развлеченным.

Вонзила нож в мягкую массу бисквита и крема, провела первый разрез. Потом еще, и еще. Кусочки торта быстро разобрали.

Вскоре раздался первый визг.

— У меня! У меня кольцо! — закричала одна, держа в пальцах крошечную серебряную фигурку обручального кольца. Все зааплодировали, засмеялись. Она покраснела и бросила взгляд на какого-то молодого человека через стол.

Потом нашла фигурку миниатюрного ребенка — и это вызвало еще больший смех и подколы. Одна за другой девушки вытаскивали из бисквита свои символы грядущих перемен — сердечко, крошечный чемодан, фигурку доллара.

Смотрела на их сияющие, возбужденные лица, на эти маленькие металлические знаки надежды на другую, лучшую жизнь. И чувствовала себя так, будто наблюдаю за всем из-за толстого стекла. Их азарт, их мечты были такими далекими, такими легкими.

Я не искала фигурку в своем куске. Просто отодвинула тарелку, едва притронувшись к сладкому. Мое будущее уже

было решено. Оно сидело рядом, спокойное и неотвратимое, и не нуждалось в сахарных предсказаниях.

— Танец молодоженов! — провозгласил отец, и голос, привыкший командовать, легко перекрыл шум застолья. Тот стоял, бокал в руке, лицо сияло от гордости и, возможно, от выпитого.

Музыканты, уловив сигнал, заиграли медленную, томную мелодию — традиционный вальс. Все взгляды устремились на нас.

Кристиан отложил салфетку и поднялся. Обернулся и протянул руку. В глазах читалась та же ожидающая уверенность.

Встань. Иди. Танцуй.

Медленно поднялась с места. Платье тяжело проволоклось. Я положила свою руку на его ладонь.

Мужчина повел на центр импровизированной танцплощадки, расчищенной среди столов. Гости расступились, образовав круг. Сотни глаз. Вспышки фотоаппаратов.

Взял правую руку в свою, левую положил на талию — нежно, но с такой определенностью, что почувствовала каждый палец сквозь слои ткани и корсета. Подняла левую руку, положив ему на плечо. Сукно смокинга было гладким и плотным под пальцами.

Кристина сделал первый шаг. Последовала за ним автоматически. Закружились. Его ведение было безупречным, уверенным, не оставляющим пространства для ошибки или им-

провизации.

Чувствовала дыхание, смешанное с запахом хорошего виски. Кристина смотрел не в глаза, а куда-то чуть выше, на волосы или просто в пространство за спиной.

Пыталась улыбаться, глядя через плечо, на размытые лица гостей. Но внутри все было пусто и холодно.

— Инес.

Голос матери прозвучал прямо у моего уха, тихо, но с ледяной четкостью, пробиваясь сквозь музыку и гул голосов. Замерла на месте, все еще в полуобъятии Кристиана. Танец еще не закончился.

Медленно повернула голову. Мать стояла рядом, безупречная и собранная, с тонкой, деловой улыбкой на лице, обращенной к гостям. Но глаза, встретившись с моими, были жесткими, как сталь.

— Приехала девушка, — прошептала, едва шевеля губами. — Пора идти.

Все внутри сжалось. Кивнула, едва заметное движение подбородка. Кристиан почувствовал напряжение и прервал танец, слегка разжав хватку. Не спросил ни о чем, лишь бросил короткий, понимающий взгляд на мать, а затем кивнул, отпуская.

Пошла за матерью, оставляя за собой шум праздника, смех, музыку. Вошли в дом. Тишина здесь оглушала после гула в саду. Поднялись по лестнице, и каждый шаг отдавался в висках.

Она открыла дверь в мою комнату. Там, посреди комнаты, уже была разложена кожаная кушетка для косметических процедур. Возле нее сидела незнакомая девушка с безличным, профессиональным выражением лица. На маленьком столике рядом стояла печка, лежали банки с воском, полоски, пудра. Все было стерильно и деловито.

— Раздевайся и ложись, — сказала мать, закрывая дверь. Она не уходила. Она осталась стоять у двери, как надзиратель.

Повернулась спиной, пальцы дрожали, когда пыталась расстегнуть бесчисленные крошечные пуговицы и крючки на спине платья. Помогла служанка, молча и эффективно. Платье, тяжелое и расшитое, соскользнуло и легло на стул, как сброшенная кожа. Осталась в нижнем белье, чувствуя холод воздуха на голых плечах.

— Все, — тихо сказала мать.

Сняла и белье, чувствуя, как жар стыда заливает лицо и шею. Быстро, почти падая, легла на кушетку. Кожаный чехол был холодным и липким.

Девушка подошла. Услышала, как она что-то готовит, тихий звук размешивания. Потом почувствовала тепло — очень близкое, опасное тепло — у самой кожи на пояснице.

— Расслабьтесь, сеньорита, — безразличным голосом сказала девушка. — Будет немного горячо.

Не стала ждать, пока расслаблюсь. Плотная, обжигающая полоска горячего воска легла на кожу. Вцепилась пальцами

в край кушетки, стиснула зубы. Потом резкий рывок — и огненная боль пронзила плоть, вырывая волосы с корнем. Вздрогнула телом, но не издала ни звука. Помнила наказ матери. Помнила присутствие у двери.

Полоска за полоской. Жжение, рывок, снова жжение. Процесс был методичным, безжалостным и унизительным.

Лежала, прижавшись к кожаной подушке, и чувствовала, как слезы — от боли, от стыда, от бессилия — подступают к глазам, но я не позволяла им вырваться. Просто сжимала челюсти все сильнее и смотрела в темноту под кушеткой, пока незнакомая женщина делала со мной то, что должно было подготовить меня для мужа.

***

Вернулись на праздник, но я уже была другим человеком. Каждый шаг отзывался слабой, жгучей болью там, где только что был воск, постоянным напоминанием о том, что произошло наверху. Улыбалась, кивала, но внутри все было пусто и онемело.

Суматоха, смех, слезы. Гости с бенгальскими огнями в руках выстроились в два ряда, образуя сверкающий, дымящийся коридор, ведущий к украшенному цветами автомобилю.

— Инес! Инес!

Сквозь гул я услышала тонкий, настойчивый голос. Мигель. Мальчик пробивался сквозь толпу взрослых ног, отталкиваясь, как щенок.

— Дайте пройти! Там моя сестра! Это моя сестра!

Вырвался вперед, лицо было раскрасневшимся, глаза блестели. В руках сжимал лист бумаги, смятый в горячей ладони.

Подбежал ко мне, запыхавшись, и сунул в руки рисунок.

— Это я тебе нарисовал! — выпалил. — Ты повесишь его потом на холодильник? В твоем новом доме? И я… я буду за вами следить через него! — сказал это с такой наивной, детской уверенностью в магии рисунка, что у меня к горлу подкатил ком.

Посмотрела на рисунок. На нем были три кривые фигурки: он, я и что-то высокое и палочкообразное, должно быть, Кристиан. Все держались за руки. Над нами — огромное желтое солнце и синяя капля, которую он, наверное, считал морем.

На этот раз улыбка была настоящей, хоть и горьковатой.

— Хорошо, — сказала тихо, аккуратно складывая листок. — Обязательно повешу. На самый видный холодильник.

Мигель удовлетворенно кивнул, потом взгляд скользнул на Кристиана, стоявшего рядом, молчаливого и наблюдательного. Мальчик на секунду замер, встретившись с этими голубыми глазами, сжал губы в серьезную линию, как бы пытаясь передать ему важное без слов. Потом развернулся и убежал обратно в толпу, не оглядываясь.

Нас уже обступили, стали обнимать, осыпать лепестками и рисом.

Кристиан взял под руку, хватка была твердой, и повел к машине сквозь дымящийся коридор из огней. Вспышки фотоаппаратов слепили.

Держала в одной руке смятый детский рисунок, а другой — цеплялась за руку мужа, чувствуя, как меня буквально проталкивают в новую жизнь, в темноту автомобильного салона, подальше от последнего кусочка детства, который только что вручил мне брат.

Дверь захлопнулась, и внезапно наступила тишина, приглушившая праздничный гам снаружи до далекого, нереального гула.

Откинулась на кожаном сиденье и выдохнула — долго, сдавленно, будто держала воздух в легких все эти часы. Все тело ныло — от усталости, от сковывающего платья, от жгучей боли после воска.

Первое, что он сделал, — с силой дернул узел галстука, ослабив, и расстегнул верхние пуговицы рубашки. В свете приборной панели его лицо казалось уставшим и напряженным.

— Маттео, — сказал, обращаясь к водителю, которого раньше не замечала. — Включи кондиционер. Я не могу уже — вспотел весь.

Голос был низким, раздраженным. В нем не было и тени той церемониальной вежливости, что была на публике. Это был голос человека, скидывающего неудобный костюм, в том числе и метафорический.

Холодный воздух с шипением хлынул из дефлекторов. Ударил по моим оголенным плечам, и невольно вздрогнула. Кристиан заметил это краем глаза.

— Тебе не холодно? — спросил, уже более ровным тоном, но без особого участия. Просто уточнил техническую деталь.

Покачала головой, хотя было холодно. Лучше холод, чем эта духота.

Шум двигателя, свист кондиционера.

— Завтра переедем. Вещи твои перевезут. Сегодня ночь в отеле. Там все готово.

«Все готово».

Просто кивнула, понимая, что мое мнение никого не интересует. Да у меня его и не было. Была только усталость и холод, пробирающий до костей.

Глава 5

Машина подкатила к отдельному подъезду, где нас уже ждал человек. Узнала его — один из людей отца, с каменным лицом и быстрыми глазами. Держал в руках небольшой, изящный пакет с логотипом бутика.

Когда вышли, тот сделал почтительный жест в сторону Кристиана, а затем обратился ко мне.

— Сеньора Альварес, — сказал, и новое имя прозвучало странно и чуждо из уст. — Босс передал. Чтобы все было… как полагается.

Протянул пакет. Взяла, даже не взглянув внутрь. Не нужно было смотреть. Знала, что там. Последний штрих, последняя деталь подготовки, переданная отцом, как эстафетная палочка. Чтобы невеста была полностью укомплектована.

Вошли в отель. Вестибюль был пуст и торжественно тих в этот поздний час. Нас проводили к лифту, и поднялись на самый верхний этаж.

Номер был огромным, холодно-роскошным, с панорамными окнами на весь ночной город. Везде царил стерильный порядок. На низком столике стояла ваза с белыми орхидеями и бутылка шампанского в хрустальном ведерке со льдом.

Кристиан прошел внутрь, сбросил пиджак на спинку кресла. Казался здесь своим — человеком, привыкшим к такой роскоши, к такому пространству.

Замерла на пороге, все еще сжимая в руках пакет и детский рисунок.

— Проходи, — сказал, не оборачиваясь, снимая часы и кладя их на тумбочку.

Голос был усталым, но в нем снова прозвучала та же властная нота, что и в машине.

Заставила себя сделать несколько шагов внутрь. Поставила злополучный пакет на ближайший кресло, как будто это была бомба. Рисунок Мигеля аккуратно, с какой-то трогательной бережностью, положила на журнальный столик рядом с орхидеями.

Потом обернулась к мужчина. Голова действительно гудела от тяжести прически, шпилек, лака. Все тело просилось под струи горячей воды, чтобы смыть этот день — пудру, духи, чужой пот, запах страха.

— Мне бы… помыться. Прическа… от нее голова просто раскалывается, — добавила уже почти шепотом, как будто извиняясь за эту слабость.

Голубые глаза оценили состояние — усталое, напряженное, в осыпающемся макияже и помятой фате. Кивнул в сторону двери.

— Полотенца в ванной. Все есть.

Кивнула в ответ, схватила пакет, и почти побежала в сторону ванной комнаты. Облокотилась на дверь спиной, закрыла глаза и вдохнула. Здесь пахло дорогим мылом и чистотой.

Потом открыла глаза, подошла к огромной раковине и посмотрела на свое отражение в зеркале.

Невеста после битвы.

Начала разбирать крепость на себе. Сначала платье — стянула, как липкую кожу, и то тяжело рухнуло на пол ковра бесформенной белой горой. Осталась в простом, хлопковом белье, которое надела утром, не решаясь надеть то, розовое, заранее.

Выдергивала шпильку одну за другой, и они со звонким, металлическим стуком падали в белоснежную раковину, как сброшенное оружие. Каждая освобожденная прядь приносила облегчение.

Зашла под душ. Вода была почти обжигающе горячей, какой и любила. Стояла под сильными струями, закрыв глаза, позволив воде смыть с себя все — остатки макияжа, запах духов, ощущение сотен взглядов, тяжесть кружева мантильи.

Намылила голову, втирая шампунь в кожу так сильно, будто хотела счистить слой эпидермиса.

Вышла, промокнула себя большим, пушистым полотенцем. Кожа покраснела от горячей воды и трения.

Подошла к пакету. Помимо белья, там, как и ожидала, был целый набор: дорогой крем для тела с запахом жасмина, туалетная вода и освежающий мист. И шелковый халат того же пастельного оттенка, что и белье.

Мать продумала все до мелочей.

Почистила зубы, старательно, потом проверила дыхание

на ладони. Намазала все тело кремом. Побрызгалась мистом, потом духами — легкими, цветочными, не такими тяжелыми, как у матери. Пыталась создать новый слой, новый запах, который бы принадлежал уже мне, а не тому дню.

Шелк скользнул между пальцами. Оно село идеально, как влитое. Было красиво. И ужасно откровенно. Сверху накинула халат, плотно запахнула на поясе.

***

Комната была погружена в мягкий, приглушенный свет. Кристиан сидел на краю огромной кровати, спиной . Снял рубашку, и голый торс, освещенный светом от торшера, казался рельефным — не тело спортсмена, а скорее выносливого человека, привыкшего к нагрузкам. Был в одних темных брюках, низко сидящих на бедрах. В руке был телефон, он что-то читал или писал, полностью погруженный в экран.

Я, не раздумывая, почти побежала через комнату и буквально нырнула под тяжелое стеганое одеяло на другой стороне кровати. Закуталась с головой, превратившись в дрожащий комок шелка и страха. Прохладный воздух от кондиционера пробирался сквозь ткань халата.

Лежала, прислушиваясь к тишине, к звуку дыхания и легкому шуршанию пальцев по экрану.

— Холодно? — голос прозвучал спокойно.

Высунула из-под одеяла только нос и глаза.

— Есть такое, — прошептала.

Кивнул, отложил телефон на тумбочку. Взял пульт от кондиционера и одним щелчком выключил. Гул стих. Потом он встал. Зажмурилась, услышав шаги. Но тот прошел мимо кровати. Открыла один глаз и увидела, как спина, покрытая легкими шрамами исчезает в дверном проеме ванной.

Выдохнула, когда услышала звук воды. Выбралась из-под одеяла и подошла к огромному панорамному окну.

Внизу раскинулся Мехико — мой город, моя прежняя жизнь. Огни машин ползли по проспектам, как светящиеся реки. Где-то там был наш дом. Мигель, наверное, уже спал, прижимая плюшевого медведя. Мать с отцом… даже не знаю. Подводили итоги успешно проведенной операции.

Стояла, прижав лоб к прохладному стеклу, и смотрела, как будто могла впитать этот вид навсегда.

За спиной открылась дверь ванной. Видела отражение в темном стекле. Сначала — смутный силуэт, вытирающий голову полотенцем. Потом бросил полотенце куда-то на кровать и подошел ближе.

В отражении был четче. Вышел в одних черных трусах, низко сидящих на бедрах. Тело было подтянутым, мускулистым без излишеств, таким же функциональным, как и все в нем. Мокрые темные волосы падали на лоб. И я невольно проследила взглядом за линией, которая шла от его торса вниз, к паху — та самая буква «V», которую часто называют «линией Адониса». Она казалась воплощением чистой, животной мужественности, и от этого вида свело живот — не

от желания, а от первобытного, почти панического осознания физического неравенства, той силы, которую он в себе носил и которой теперь обладал право распоряжаться.

Подошел почти вплотную, остановившись в паре шагов сзади. Отражение в стекле нависло над моим.

— Красивый вид, — сказал тихо, и голос прозвучал прямо у уха, хотя Кристиан не наклонялся. Говорил о городе, но взгляд в отражении был прикован не к огням внизу, а ко мне. К моей фигуре в тонком халате, к моему лицу, прижатому к стеклу.

Не ответила. Просто смотрела в отражение, чувствуя, как каждый нерв в теле натягивается, как струна, готовая лопнуть.

— Инес.

И прежде чем я успела что-то понять или среагировать, рука легла мне на поясницу. Широкой, теплой ладонью прямо на шелк халата. Прикосновение было твердым, однозначным, но не грубым.

Все тело внутри сжалось в один болезненный комок. Мышцы спины и живота напряглись до дрожи. Закусила губу изо всех сил, заставив не вздрогнуть всем телом, не отпрыгнуть, не выдать этот внезапный, дикий испуг. Дыхание перехватило.

Пальцы слегка сжали ткань и плоть под ней.

— Ты напряжена, — прошептал, и губы почти коснулись уха. — Тебе не стоит так переживать.

Говорил «не стоит переживать», но само присутствие, его голое тело за моей спиной, этот властный жест — все это было причиной для самого настоящего ужаса. Как не переживать, когда тебя пригвоздили к месту одним касанием, когда тело уже не принадлежит тебе, а ты сама — всего лишь объект в этой огромной, чужой комнате?

Кристиан задумчиво провел большим пальцем по пояснице — один раз, медленно, как будто пробуя на ощупь степень оцепенения. Потом руки мягко, но неумолимо развернули к нему. Я не сопротивлялась. Тело двигалось, как у марионетки.

Смотрел в глаза, и в взгляде не было ни злобы, ни похоти. Была усталая сосредоточенность, будто он решал сложную, но необходимую задачу. Поднял руку, и замерла, ожидая худшего. Но лишь на секунду задержал в воздухе, будто колеблясь, а потом осторожно, почти нежно, откинул прядь мокрых волос с моего лба.

— Доброй ночи, Инес, — произнес тихо, и в его голосе прозвучала неожиданная нежность. Он, кажется, хотел поцеловать меня в лоб — увидела намерение в глазах, в легком наклоне головы. Но удержался. Заменил поцелуй на этот простой, бережный жест.

Убрал руки и отошел на шаг, разрывая эту невыносимую близость. Стояла, все еще не двигаясь, не понимая.

Оглядел меня — закутанную в халат, бледную, с огромными испуганными глазами — и едва заметно вздохнул.

— Спать явно не сможешь в одной кровати.

Повернулся, подошел к стулу, на котором лежали вещи. Сначала натянул брюки, быстрым, привычным движением. Потом взял с вешалки пиджак от смокинга и надел на голый торс.

Смотрела на трансформацию. Из полуобнаженного, опасного мужчины он за минуту снова превращался в того самого Кристиана Альвареса — одетого, собранного, контролирующего ситуацию. Только мокрые волосы и отсутствие рубашки под пиджаком выдавали неформальность момента.

— Чтобы тебя не напрягать. Пойду, другой номер сниму. Закройся на задвижку и на цепочку, как только выйду. Чтобы к тебе никто не зашел. Даже я.

Машинально взяла холодный пластик карты, все еще не понимая, что вообще происходит. Мозг отказывался обрабатывать информацию. Он… уходит? Он снимает другой номер? После свадьбы? После всего?

Наклонился, надел туфли, не завязывая шнурки. Потом выпрямился и посмотрел на меня. Лицо в полумраке прихожей было серьезным, но не злым.

— Доброй ночи, Инес, — повторил. — Рад, что ты моя жена.

И с этими словами, которые прозвучали как странная, формальная констатация, а не как комплимент, он развернулся, открыл дверь и вышел.

Осталась стоять около двери, сжимая в потной ладони

ключ-карту. В огромном, роскошном номере воцарилась полная, гробовая тишина.

Медленно, как во сне, подошла к двери, задвинула тяжелую металлическую задвижку, повела цепочку.

Прислонилась лбом к прохладному дереву двери. И только тогда, в полной, обрушившейся на меня тишине и одиночестве, по щекам медленно потекли слезы.

Он не тронул меня. Но почему-то этот поступок — этот уход — ранил и смущал почти больше, чем могла бы ранить грубая сила.

После нескольких минут неподвижности, прислонившись к двери и слушая лишь стук собственного сердца, отошла. Шаг за шагом по холодному полу обратно в спальню. Свет был приглушен, только ночник у кровати отбрасывал мягкий круг на покрывало.

Подошла к огромной кровати, которая казалась теперь еще больше и пустыннее. Просто легла поверх одеяла, ровно по центру, как будто занимая нейтральную территорию, которую больше никто не оспаривал. Потом натянула тяжелое стеганое одеяло поверх себя, укрылась с головой.

Почему? Было ли это милосердием? Тактическим ходом? Презрением? Усталостью от моего страха?

***

Открыла глаза, и первое, что увидела, было его лицо.

Кристиан сидел в кресле прямо у кровати, в полуметре

от меня. Был одет в свежие темные брюки и простую серую футболку, на нем был пиджак, но на этот раз застегнутый не до конца.

Сердце в груди сорвалось с места, резко дернулась и чуть не вскрикнула, подавив звук в самом горле.

— Ты наконец проснулась, — сказал спокойно. — Нам лететь надо. Я стучал, но ты не слышала.

Сделал небольшую паузу, взгляд скользнул по лицу, заспанному и, наверное, опухшему от слез.

— Пришлось… чуть проникнуть внутрь, — слегка кивнул в сторону двери, и в голосе прозвучала легкая, сухая усмешка, будто говорил о мелкой технической неполадке.

Быстро села, отодвинулась к изголовью, натягивая одеяло, будто оно могло защитить. Протерла глаза, пытаясь стереть с них сон и этот шок.

— Сколько время? — спросила хрипло.

— Три часа дня, — ответил. — Наш рейс в пять.

Три часа дня. Проспала почти весь день. Заснула под утро, когда за окнами уже начало светать, и вырубилась так, что не слышала его стука. А он… «проник». Значит, снял номер на моем этаже? Или вызвал администрацию? Или у него есть свои способы открывать любые двери? От этой мысли стало не по себе.

— Извини, я… — начала что-то бормотать, но тот прервал жестом.

— Ничего. Собирайся. Ванная свободна. Твои вещи уже

отправили в аэропорт. Одежду на сегодня я велел оставить. — кивнул на сумку-тоут, стоявшую у кресла. — Там все необходимое. У тебя полчаса.

Встал, и фигура снова заполнила пространство комнаты.

— Я буду ждать внизу. Не опаздывай.

Сказав это, развернулся и вышел, оставив дверь в номер открытой. На этот раз уходил по-деловому, без загадок и неожиданной нежности. Просто поставил задачу и ушел выполнять. А мне оставалось только вскочить, бежать в ванную и пытаться за полчаса привести себя в порядок, чтобы лететь в Барселону.

Уснула не в постели, а в кресле ванной комнаты, куда сбежала, чтобы переодеться. Голова тяжело склонилась на мраморную столешницу, а темнота за закрытыми веками оказалась гуще и милосерднее, чем реальность. Провалилась снова, как в черную дыру.

— Инес.

Голос пробился сквозь толщу сна. Чей-то. Далекий.

— Инес.

Ближе. И руки. Сильные руки трясут за плечо, не слишком нежно.

С усилием разлепила глаза. Сначала в поле зрения попал холодный белый мрамор, потом — темная ткань брюк на уровне моих глаз. Подняла голову. Шея затекла и ныла.

Прямо передо мной, наклонившись, был Кристиан. Присел на корточки, чтобы быть на одном уровне. ЛИцо было

близко. И на нем не было ни спокойной деловитости утра, ни вчерашней странной сдержанности. Его лицо было жестким. Глаза, голубые и холодные, смотрели прямо в мои, и в них читалось раздражение.

— Мы просрали рейс, Инес, — произнес четко, разделяя слова, и в тихом голосе слышалось шипение стального каната под нагрузкой.

Смотрела на него, еще не до конца понимая смысл слов, но уже чувствуя ледяную тяжесть вины и последствий, которые они несли.

— Ты проспала. Я ждал в машине час. Потом поднялся. Дверь была открыта. А ты… — махнул рукой в сторону раковины, где сидела, все еще в халате, с размазанным вчерашним макияжем. — Ты спишь на мраморе, как пьяная.

Отвернулся, прошелся по ванной короткими, резкими шагами, сжав руки в кулаки.

— Самолет улетел. Сейчас разгребаю последствия. Перебронирую рейс, звоню твоему отцу, объясняю, почему дочь, моя новая жена, не может вовремя попасть в свой новый дом. — обернулся. — Поздравляю. Первый день брака, и ты уже устраиваешь мне проблемы.

Сидела, словно парализованная, чувствуя, как жгучий стыд заливает с головы до ног. Просрали рейс. Из-за того, что я уснула, как какая-то беспомощная дура. Отец… Боже, что он подумает? Что скажет?

Попыталась встать, но ноги подкосились, и я едва не упа-

ла, схватившись за край раковины.

— Я… прости… я не хотела… — начала лепетать, но голос сорвался.

— «Не хотела», — передразнил с ледяной усмешкой. — Это не имеет значения, Инес. Иметь значение будут только последствия. А они уже наступили. Одевайся. Мы выезжаем через десять минут. Попробуем успеть на вечерний рейс, если остались места.

Вышел из ванной, оставив одну с ощущением полной, катастрофической неудачи. Посмотрела на свое отражение в зеркале — помятое, испуганное, жалкое. Не жена босса мафии. А ребенок, который не может справиться даже с тем, чтобы не проспать собственный перелет. И этот ребенок только что устроил скандал и подвел самого Кристиана Альвареса.

Глава 6

Люди в униформе молча заносили вещи. Вся эта тихая, отлаженная деятельность подчеркивала мое чувство чужеродности.

Кристиан, не выпуская руку из своей твердой хватки, повел мимо широкой лестницы, по длинному коридору на втором этаже. Шел быстро, целенаправленно, и приходилось почти бежать, чтобы поспевать. Наконец остановился у одной из многих одинаковых темных дверей, открыл и слегка подтолкнул внутрь.

— Твоя комната, — объявил, не заходя. Стоял в дверном проеме, заполняя собой.

Комната была большой, светлой, с огромным окном, выходящим в сад. Мебель — дорогая, современная, безличная. Как номер в отеле высшего класса.

— Она далеко от моей, — продолжил ровным, деловым тоном. — Чтобы я тебе не мешал спать. И не… напрягал. — произнес это последнее слово с легкой, сухой усмешкой, намекая. — Тут ты можешь спать сколько хочешь. Главное — на мероприятия ездить не забывай. Хотя… — сделал паузу, и взгляд стал оценивающим, — если уснешь и пропустишь… ничего страшного. Схожу один. Или возьму кого-то из своих агенток. Всегда есть варианты.

У него есть замена. Я не уникальна. Я — один из вариан-

тов, причем, судя по всему, не самый надежный после истории с рейсом.

Посмотрел прямо в глаза.

— Доброй ночи, Инес.

Стояла посреди чужой комнаты, чувствуя заблудившимся ребенком.

— Но… ведь утро уже… — пробормотала, глядя на свет, льющийся из окна.

Он едва заметно усмехнулся уголком губ.

— У тебя хоть целый день ночью может быть, — ответил. — Разбирайся со временем как хочешь. Главное — чтобы это не влияло на мои планы. Поняла?

Не дожидаясь ответа, вышел.

В центре огромной, бесшумной, идеально чистой комнаты. Мое новое убежище. Моя тюрьма. Место, где могла спать сколько угодно, потому что бодрствование никому, кроме меня самой, не было нужно. Он дал мне пространство. Максимально возможное. Отгородил меня от себя целым этажом и коридорами. Чтобы не «напрягать».

Медленно подошла к окну, обняла себя за плечи и смотрела на чужой, яркий барселонский день, который для меня теперь мог быть ночью. Или чем угодно.

Желудок заурчал, нарушая гробовую тишину комнаты. Не ела, кажется, со вчерашнего банкета. Тело, наконец, вышло из шока и напомнило о себе простой, животной потребностью.

Вышла из комнаты, не зная, куда идти. Коридор был пуст и бесконечен.

Пошла наугад, и, к своему удивлению, почти сразу наткнулась на Кристиана. Тот выходил из другой комнаты, похожей на кабинет, с папкой в руках. Шел быстро, погруженный в мысли.

— Кристиан, — позвала тихо.

Остановился, обернулся..

— Я… проголодалась, — прошептала, опуская глаза. Признаваться в такой простой, человеческой слабости перед ним казалось нелепым и стыдным.

— За мной.

Послушно пошла за ним. Вел вниз по лестнице, шаги быстрые и уверенные. Прошли через огромную гостиную и оказались на кухне. Она была огромной, сверкающей сталью и мрамором, больше похожей на лабораторию или ресторанный цех, чем на домашнее помещение.

Кристиан вошел внутрь и жестом обвел пространство.

— Можешь сама себе готовить, — сказал, указывая на ряды профессиональных плит и холодильников. — Можешь просить повара. Он живет в соседнем флигеле, но придет по звонку. — ткнул пальцем в домофон на стене. — Можешь есть прямо тут, на острове. Можешь идти в столовую и есть там. — кивнул в сторону арочного проема. — Делай что хочешь и как хочешь. Никто тебя ограничивать не будет.

Говорил, как гид, перечисляющий услуги отеля. Никако-

го «что приготовить тебе, дорогая?». Только предоставление возможностей и полная свобода в их использовании. И абсолютное отсутствие участия с его стороны.

Смотрела на него, пытаясь найти в лице эмоции, кроме холодной вежливости.

— Приятного аппетита, Инес, — сказал и сделал шаг к выходу, явно собираясь уйти.

— А вы… ты… — запнулась, не зная, как к нему обращаться. — Ты не хочешь? Не будешь есть?

— Нет.

Отказ разделить со мной даже эту простейшую, бытовую ситуацию. Он дал мне ключи от королевства, но сам в него входить не собирался.

Мужчина ждал пару секунд, потом вышел с кухни, оставив одну среди блестящих поверхностей и гудящих холодильников.

Стояла посреди этого пищевого рая, чувствуя не хозяйкой, а незваным гостем. И голод внезапно испарился, сменившись новой, леденящей пустотой.

Обычно мы ели всегда за одним столом с семьей. Даже если разговор не клеился, даже если атмосфера была ледяной, это была традиция.

Решила просто приготовить себе яичницу с тостами. Нашла сковороду, яйца, хлеб. Движения были неуклюжими, робкими в этом чужом, слишком идеальном пространстве.

Когда разбила первое яйцо, желток растекся неровно, и

почувствовала себя глупо. Потом налила чаю из тяжелого фарфорового чайника, который нашла в шкафу. Уселась за маленький столик у окна, не в огромной столовой.

Солнце светило в окно, падало на тарелку с простой, даже убогой едой. Ела молча, и мысли лезли в голову одна тяжелее другой.

Может, Альба была права. Нужно устроить себе красивую клетку и не пытаться вытаскивать прутья. Эта кухня, эта комната — уже клетка. Роскошная, удобная. Можно спать сколько хочешь. Можно есть что хочешь. Нельзя только ждать тепла. Нельзя ждать, что он захочет разделить с тобой трапезу. Нельзя ждать, что ты понадобишься за пределами списка «обязанности жены».

Значит, нужно выполнить главную обязанность. Ту, на которую намекал отец. Отдать невинность. Стать женой не только на бумаге, но и физически. Может тогда… Может тогда изменится? Может, перестанет смотреть на как на неудачную инвестицию?

Хотя… даже в этом меня, неопытную, нервную, можно заменить. У него же есть «агентки», как сказал. Варианты. Я не уникальна. Но я… Я его жена. По закону и перед людьми.

Но стоит ли пробовать? Рискнуть не просто телом, а последними остатками достоинства? Пойти к нему, предложить то, чего, кажется, даже не хочет брать?

Попила и посмотрела на пустую тарелку. Альба говорила — терпимо. Привыкаешь. Но чтобы привыкнуть, нужно

начать. А чтобы начать… нужно перестать быть девочкой, которая прячется в своей комнате и проспала рейс. Нужно стать женщиной. Женой. Пусть даже ненужной, пусть даже заменяемой. Но женой. Не дочерью Бланко, запертой в комнате Альвареса. А частью его мира. Пусть самой незначительной.

Встала, помыла тарелку и чашку, тщательно вытерла их, поставила на место. Каждое движение было медленным, обдуманным. Не могла оставаться девочкой до конца жизни. Эта мысль, как ни странно, придавала твердость.

Сегодня ночью, подумала, глядя на дверь кухни. Или завтра. Но нужно попробовать. Потому что иначе эта красивая клетка станет склепом, а я — призраком, который бродит по ней, не оставляя следа.

— Мисс.

Голос заставил вздрогнуть и оторваться от созерцания пустой раковины. В дверях кухни стоял один из охранников — молодой, с непроницаемым лицом, в темном костюме.

— Босс сказал, чтобы я вам показал места, которые вы можете посещать, — произнес четко, по-военному. — Точнее, те места, где может быть вам интересно в этом доме.

— Спасибо, — сказала тихо, удивляясь этой внезапной заботе.

— Прошу за мной.

Прошли мимо лестницы, свернули в другой, более узкий коридор, и остановился у двустворчатой двери из темного

дерева. Открыл ее, пропустил меня вперед.

Зашла. Это была библиотека. Не огромная, помпезная зала, а уютная, камерная комната. Стены от пола до потолка были заставлены книжными полками из темного дерева, и они уже были заполнены книгами — старыми, в кожаных переплетах, и новыми, с яркими обложками. Пахло старым пергаментом, воском и свежей краской. У окна стоял письменный стол, а на нем — тонкий, дорогой ноутбук. И в углу, у внутренней стены… Фортепиано. Не огромный рояль, а изящное, полированное черное пианино.

— Босс сказал, что вы умеете играть на фортепиано, — продолжил охранник, стоя у двери. — Поэтому приказал купить вам инструмент. Надеемся, он такой, какой надо.

Не могла оторвать глаз от пианино. Последний раз играла дома, больше года назад. Отец считал, что после определенного возраста музыка — пустая трата времени для девушки из нашей семьи.

— Тут есть ноутбук, которым вы можете пользоваться без ограничений. Выходить в сеть, связываться с родными. — кивнул на стол. — Книги… Нам сказали, что вы любите читать. Поэтому подобрали разное. Художественную литературу, поэзию, кое-что по истории искусств.

Медленно обошла комнату, касаясь пальцами корешков книг. Мои любимые авторы. Те, о которых я вскользь упоминала когда-то? Или это было простым совпадением?

— Вы… вы сделали мини-библиотеку… для меня? —

прошептала, все еще не веря.

— Так точно, сеньора, — ответил охранник. — Эта комната создана для вас. Чтобы вы проводили свой досуг так, как вам нравится. Без ограничений.

«Без ограничений». Снова это слово. Он дарил мне целый мир внутри этого дома. Мир книг, музыки, связи с внешним миром. Все, чего не хватало в доме отца, здесь было предоставлено с щедростью, которая пугала. Потому что она была такой… безличной. Как заказ по каталогу. Узнал мои увлечения — исполнил. Как будто обставлял комнату для питомца, о котором нужно заботиться, чтобы он не скучал и не портил мебель.

Подошла к пианино, провела рукой по прохладной, идеально отполированной крышке.

— Спасибо, — сказала снова, уже охраннику, но на самом деле обращаясь к тому, кто это устроил. — Передайте… передайте Кристиану, что я очень благодарна.

Охранник кивнул.

— Будет передано. Если вам что-то понадобится еще — нажмите кнопку домофона, вас соединят с персоналом.

Вышел, оставив одну в моей новой библиотеке. Стояла посреди комнаты, чувствуя, как внутри тает и одновременно сжимается от новой, сложной путаницы чувств.

Подошла к ноутбуку, открыла его. Он включился сразу, без пароля. На рабочем столе не было ничего, кроме нескольких иконок. Я запустила браузер. Связь с внешним

миром. С Мигелем. С Альбой.

Села в глубокое кожаное кресло у окна и смотрела на экран, на полки с книгами, на черное пианино.

Подошла к пианино. Медленно подняла крышку клавиатуры. Черно-белые клавиши лежали ровными рядами, как немые зубы. Тронула одну — среднее «до». Звук прозвучал чистым, глубоким, идеально настроенным. Он не отзывался внутри меня тем трепетом, который помнила. Мои пальцы, нависшие над клавиатурой, были скованными, одеревеневшими. Попыталась мысленно представить простую гамму, но пальцы не слушались, будто забыли сами положения.

Нажала несколько клавиш, пытаясь выстроить хоть какой-то аккорд. Звуки были правильными, но вместе они складывались в нечто неуверенное, фальшивое. Резко убрала руку, как от огня, и захлопнула крышку. Глухой стук прозвучал громко в тишине библиотеки.

За год без практики, под гнетом ожиданий и страха, разучилась. Музыка, которая была моим языком, ушла. Остался только красивый, бесполезный инструмент, еще один дорогой предмет интерьера в моей позолоченной клетке.

Вот и снова минус одна функция. Еще одна вещь, которая должна была делать меня «интересной», «развитой», достойной партнершей, оказалась нефункциональной. Я не умела играть. Так же, как не умела не проспать рейс. Так же, как не умела быть женой, которую хочется взять с собой на мероприятие, а не оставить дома со словами «возьму кого-то

из агенток».

Отвернулась от пианино, чувствуя, как по щекам катятся горячие, горькие слезы стыда и разочарования.

***

Мне нужно было спрятаться. Не от него, а от этого чувства полной, абсолютной непригодности. От осознания, что даже в этой роли тихой, удобной жены я не справляюсь.

— Инес?

Голос догнал прямо у двери. Замерла, почувствовав, как спина непроизвольно выпрямилась. Не оборачиваясь, я быстро провела тыльной стороной ладони под глазами, стирая предательскую влагу.

— Да? — голос прозвучал приглушенно, сама его едва узнала.

— Из-за чего ты плачешь?

Медленно обернулась. Кристиан стоял в дальнем конце коридора, в проеме двери, которая, наверное, вела в кабинет. Оперся плечом о косяк, в руке держал низкий бокал с темной жидкостью. Лицо было плохо освещено, и не могла разобрать выражения — только силуэт, прямой и недвижимый.

— Просто устала, — выдохнула, снова опуская взгляд на узор ковра под ногами. — Как-то все разом навалилось. — сделала паузу, заставила поднять голову и посмотреть в сторону, хотя и не встретилась с глазами. — Спасибо за библио-

теку. И за пианино. Это… очень мило с твоей стороны.

— Мне передали твою благодарность, — перебил. Отпил из бокала, и стекло тихо звякнуло о кольцо.

Эта бесстрастная отстраненность ударила сильнее, чем если бы проигнорировал слова вовсе.

Чуть поджала губы, чувствуя, как внутри сжимается от этой новой, тонкой формы отвержения. Он систематически, методично выстраивал стену из формальностей и поручений, через которую не пробивалось ничего живого — ни моя тревога, ни моя попытка благодарности.

— Кристиан, а может… — начала, и слова застряли у меня в горле, жгучие и нелепые. Хотела сказать: «Может, сегодня…» Предложить. Взять инициативу, как решила на кухне. Но когда встретилась со взглядом из полутьмы коридора, вся наспех собранная храбрость рассыпалась в прах.

— Ложись спать, Инес. Ты устала. Тебе нужно больше отдыхать.

Отпил из бокала последний глоток, повернулся и сделал шаг внутрь своего кабинета.

— Спокойной ночи, — прозвучало уже оттуда, и дверь за ним тихо, но недвусмысленно прикрылась.

Осталась стоять одна в пустом, тихом коридоре, с невысказанным предложением на губах и с чувством полнейшего, унизительного поражения.

Даже не дал возможности сделать эту жалкую попытку. Просто отправил спать, как капризного ребенка, который на-

доел.

Медленно, будто неся на плечах невидимый груз, открыла дверь в комнату, вошла и закрыла за собой.

Подошла к окну, смотрела на темный сад, на огни вдали.

«Тебе нужно больше отдыхать».

Легла в огромную, холодную кровать. Пустота с другой стороны простыни казалась физически ощутимой, как пропасть. Устроилась поудобнее, укрылась одеялом до подбородка и уставилась в темноту.

— Доброй ночи, Мигель, — прошептала в тишину, представляя сонное лицо, прижатое к подушке в комнате за тысячи километров отсюда.

Отвернулась набок, прижавшись щекой к прохладной наволочке, и закрыла глаза. Не чтобы уснуть сразу, а чтобы хоть как-то отгородиться от реальности этой комнаты, этого дома, этой новой жизни.

Сначала в темноте за веками проплывали обрывки дня — лицо в коридоре, звук закрывающейся двери, холодный блеск несыгранного пианино.

Потом образы стали расплываться, терять четкость. Усталость, наконец, начала перевешивать тревогу, натягивая над сознанием тяжелое, темное покрывало. Дыхание выровнялось. Мышцы постепенно отпустили свое напряжение.

Глава 7

Ковыряла вилкой омлет, который приготовил повар, и украдкой, мельком, посматривала на Кристиана. Тот читал финансовые сводки, лицо было сосредоточенным и абсолютно спокойным. Казалось, даже не замечает моего присутствия. Пока вдруг не поднял глаза от газеты и не поймал меня.

Тут же уткнулась в тарелку, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Тебе все еще некомфортно находиться рядом со мной? — спросил прямо, без предисловий.

Вилка застыла на полпути ко рту. Мозг лихорадочно искал ответ, но выдал только тупое, растерянное:

— Что?..

— Ты смотришь на меня, — продолжил. — Твой взгляд бегает от тарелки ко мне и назад. Если тебе некомфортно находиться рядом, скажи. Я не буду завтракать здесь, чтобы тебя не нервировать.

— Нет… — снова запнулась, прочистила горло, пытаясь собрать мысли в кучу. — Просто я не понимаю.

— Что ты именно не понимаешь, Инес?

Сделала глубокий вдох, рискуя.

— Ты вчера… не хотел есть со мной. А сегодня завтракаешь здесь.

Взгляд стал чуть острее.

— Кто тебе сказал, что я не хотел есть с тобой?

Уставилась на него, потеряв дар речи.

— Ты сказал «нет», когда я спросила, не будешь ли ты есть, — выпалила наконец. — И ушел.

Кивнул, как будто проверял факт в протоколе.

— Да. Я сказал «нет». Потому что я не хотел есть. Если я не хочу есть, это не означает, что ты была причиной. Я был просто не голоден. — сделал небольшую паузу, давая этим словам улечься. — Я не всегда ем по расписанию. Иногда пропускаю приемы пищи. Это моя привычка, не реакция на тебя.

Я дура… Мысль прожгла мозг белым стыдом. Я все усложнила, накрутила, построила целую теорию отторжения на основе простого физиологического факта.

— Так в чем проблема, Инес? — снова спросил, и в голосе впервые зазвучало легкое, едва уловимое нетерпение. — Почему твой взгляд постоянно ищет меня? Если не из-за дискомфорта, то из-за чего?

Сглотнула. Признаться? Сказать правду? Я хочу быть хоть в чем-то полезной. Хочу исполнить супружеский долг, чтобы перестать чувствовать себя ненужным предметом в твоем доме. Слова горели на языке, но выйти наружу не могли. Это было бы слишком жалко, слишком унизительно.

Молчала, сжимая вилку в потной ладони, глядя на крошки на своей тарелке.

Мужчина выждал. Потом медленно отодвинул стул и встал. Звук был негромким. Начал медленно обходить стол по направлению ко мне. Шаги были бесшумными на толстом ковре. Провел указательным пальцем по краю стола, скользя по полированному дереву.

— Ты что-то хочешь, Инес? — спросил, уже стоя в паре шагов. Голос стал тише, но от этого еще более весомым. — Говори прямо. Я не люблю, когда на меня смотрят, как на картину в музее, и ничего не говорят.

Подняла глаза. Открыла рот, но звука снова не последовало.

Кристиан присел на корточки, и это движение было неожиданно плавным для его роста. Рука легла на колено не просто касанием — ладонь обхватила почти целиком, пальцы слегка сжали ткань пижамы, будто проверяя, не дрожу ли я.

— Инес, если ты что-то хочешь, ты можешь говорить об этом прямо. Я твой муж. Хоть и не по любви, но по бумаге. По этому самому союзу.

Большой палец начал медленно, почти незаметно водить по моему колену, описывая маленькие круги.

— Я не хочу, чтобы для тебя этот брак был клеткой. Или, точнее, еще одними наручниками поверх тех, что носила в доме отца.

Наклонился чуть ближе, и почувствовала тепло его дыхания. Глаза, голубые и невероятно сосредоточенные, не от-

пускали взгляд.

— Я не хочу, чтобы ты ощущала себя в наручниках, понимаешь? Да, есть рамки, но внутри них… Я хочу, чтобы у нас было общение. Понимание. Разговоры. Твое мнение. Ты не декорация и не ребенок. Ты моя жена и я терпеть не могу, когда на том конце стола сидит красивая, живая девушка и боится даже слово вымолвить.

Рука на колене была живым подтверждением слов. Она не была грубой, но в теплоте, в уверенном давлении чувствовалась вся натура — человека действия, привыкшего брать то, что он считал своим, но в данном случае пытающегося взять не силой, а убеждением.

Тактильным, настойчивым убеждением.

Кристиан как будто пытался через это прикосновение передать свою решимость, свое желание наладить контакт.

— Я не умею, — прошептала, и голос прозвучал хрипло от этого близкого, подавляющего внимания.

— Научишься, — отрезал.— Начинай с малого. Спроси или скажи. Ты хотела что-то сказать сейчас.

Глубоко вдохнула, чувствуя, как прикосновение прожигает ткань и кожу, добираясь до самых костей.

— Я хотела спросить… Насчет брачной ночи, — выдохнула.

— Что ты именно хотела спросить про нее?

Слова снова застряли в горле, перекрытые страхом и стыдом. Могла только смотреть на руку, на широкие костяшки,

на темные волоски на запястье.

— Инес.

Внутри все сжималось в один тугой узел.

— Ты хотела спросить насчет секса?

Не могла даже кивнуть.

— Да? — переспросил мягче, большой палец снова начал совершать эти медленные, гипнотические круги по коленке.

Кивнула.

Увидев это, тот не улыбнулся, не изменился в лице. Напряжение, которое исходило от него всем телом, чуть спало.

— Хорошо. Теперь следующий вопрос. Ты хотела спросить, когда это будет? Или ты хотела предложить, чтобы это было сейчас?

Кристиан ловил каждое движение, каждый вздох.

— Инес, будь честна со мной.

— Я… эм… — прокашлялась, пытаясь выдавить хоть что-то связное. — Второе.

Слово вылетело тихим, сдавленным шепотом. Его брови чуть приподнялись.

— Ты хочешь, чтобы это произошло именно сейчас?

Кивнула, не в силах произнести это вслух еще раз. Казалось, все мужество ушло на тот один шепот.

— Я вижу, как ты зажата. Вижу, что ты вся… как струна. Но если ты хочешь… если это действительно твое желание, а не то, что, как тебе кажется, от тебя ждут… мы можем попробовать.

Сделал паузу, давая словам проникнуть вглубь.

— Но слушай меня очень внимательно, Инес. Если ты испугаешься, если тебе станет плохо, если захочешь остановиться — ты скажешь мне. Одно слово. «Стоп». И мы остановимся. Договорились?

— Договорились, — прошептала, и сердце заколотилось так, что, казалось, он должен был слышать стук.

Медленно, давая время привыкнуть к каждому движению, поднялся с корточек. Рука скользнула с колена, но тут же нашла руку.

Ноги были ватными, но рука служила единственной опорой.

Поднялись на второй этаж, прошли мимо моей комнаты и зашли в другую дверь в самом конце коридора.

Его спальня.

Она была огромной, просторной, почти аскетичной в своей мужской простоте и пахла им. Теми же духами, что и в машине.

Кристиан подвел к кровати. Мягко направил, пока не села на самый край. Пружины слегка прогнулись. Затем сел рядом, не вплотную, оставив расстояние в полметра, и повернулся.

— Сначала тебе нужно расслабиться. Ты вся… Как каменная. Можем просто посидеть, поговорить или можем начать с малого.

Удивительно , что он не трогал меня. Просто сидел и смот-

рел, давая время осмотреться, привыкнуть. Его собственное спокойствие было почти сверхъестественным. Как будто для него это была не брачная ночь, а очередная деловая встреча, требующая правильной подготовки.

— Что ты хочешь, Инес?

Я сделала глубокий, дрожащий вдох. Расслабиться? Как?

— Давай… Давай сначала просто посидим, — прошептала. — А потом… потом.

— Хорошо.

Откинулся назад, опершись руками о край кровати, и слегка запрокинул голову, глядя в потолок. Поза была расслабленной, но в этой расслабленности чувствовалась та же сдержанная сила, что и всегда.

Тишина растянулась.

Сидела, сжавшись в комок, и слушала собственное дыхание и его — ровное, спокойное.

Пахло им.

Этот запах начинал заполнять все вокруг, становиться частью воздуха, которым я дышала. И странным образом, это постоянство, это спокойное присутствие рядом начало понемногу не расслаблять, но приглушать остроту паники.

— С тобой хоть как-то разговаривали насчет секса? — спросил, не меняя позы, все так же глядя в потолок. Вопрос был задан так же спокойно, как если бы он спрашивал о погоде.

— Да… — выдохнула. «Говорили» — это было мягко ска-

зано. Это был инструктаж.

— Небось, сделали на брачную ночь тебе интимную прическу, да? — в голосе появилась легкая, сухая усмешка. — Мама явно твоя сказала: «Кристиану понравится».

Невольно фыркнула — короткий, почти истерический звук, и тут же замерла, испугавшись реакции.

Повернул голову.

— Вот именно, — сказал. — Почему они все думают, что кому-то это может понравиться? Делают, не зная предпочтений.

Слова были такими… человечными. Такими далекими от всего того, что слышала от отца или матери. Он говорил о предпочтениях. Как будто у меня, у него, у любого человека они могли быть и должны были учитываться.

— А какое… твое предпочтение?

На секунду задумался, потом снова усмехнулся, но на этот раз беззлобно.

— Мне не нравится, когда там оставляют какую-то прическу, — сказал прямо. — Это… искусственно. Либо пусть будет как есть, натурально. Либо пусть вообще не будет. Конечно, лучше, чтобы вообще не было. Чисто, гигиенично, и… — пожал плечами, — …эстетично, на мой вкус.

Смотрела широко раскрыв глаза.

— А у меня… — начала и запнулась, чувствуя, как жар разливается по лицу.

— Я знаю, — перебил, и в голосе прозвучала легкая, по-

чти теплая насмешка. — У тебя явно там какой-то бомбезный причесон. Дала бы любому персидскому шаху фору.

От слов, от этого неожиданного юмора в такой ситуации, меня будто перекосило. Снова фыркнула, на этот раз уже не сдерживаясь, и опустила голову, чтобы скрыть непрошеную улыбку.

— И тебе… нормально? — спросила уже чуть увереннее, все еще не поднимая глаз.

— Нормально? — переспросил. — А что мне теперь делать? Выгонять тебя из своей же постели? Лишать твоего желания из-за моих приоритетов, которые, в принципе, можно потом исправить? Или же… исправить прямо сейчас.

— Что? — резко подняла на него взгляд, не понимая.

Смотрел серьезно, без тени шутки.

— Могу просто побрить тебя. Если хочешь. У меня есть хорошая бритва. Стерильно. Быстро. И тогда проблема с «предпочтениями» исчезнет. Твоя мама будет думать, что советы сработали, а я… буду доволен. И ты, возможно, тоже, потому что избавишься от этого… наследия подготовки.

Сидела, полностью обездвиженная, переваривая его слова. Он предлагал… изменить мое тело. Чтобы оно соответствовало вкусу. Но делал он это не как приказ, а как предложение. Как практичное решение нашей общей «проблемы».

Разум металился. Это было слишком. Слишком быстро, слишком интимно, слишком… все.

— Я… не знаю, — прошептала, чувствуя, как голова идет

кругом.

— Никто не торопит. Это просто вариант. Один из многих. Мы можем оставить все как есть. Можем заняться прелюдией с этим твоим «причесоном». А можем решить вопрос кардинально. Выбор за тобой, Инес. Это твое тело.

С одной стороны, это было… немыслимо. Страшно до тошноты. Унизительно до слез. Он, практически незнакомый мужчина, будет меня… брить. Эта картина вызывала такой взрыв стыда, что темнело в глазах.

Но с другой… Он делал это, чтобы ему понравилось. Чтобы соответствовать его вкусу. Не вкусу моей матери или какой-то абстрактной «нормы», а его личному, высказанному вслух предпочтению.

Я могла перестать быть продуктом чужой подготовки. Избавиться от этого нелепого, чужого «причесона», который был символом всего унижения. И больше не думать об этом. Не стыдиться.

Посмотрела на руки, лежащие на коленях. Длинные пальцы, сильные, с четкими суставами. Руки, которые держали оружие, подписывали договоры, а теперь предлагали взять бритву.

— Кристиан…

— Да? — тут же откликнулся, склонив голову набок, весь внимание.

Вдохнула так глубоко, что закружилась голова. И выдохнула вместе со словами, прежде чем страх снова сковал.

— Я согласна.

— Ты уверена? — спросил тихо. — Это не обязательно. Мы можем…

— Я уверена, — перебила. — Я не хочу… этого. Что они сделали. Хочу, чтобы было… как ты сказал.

— Хорошо. Подожди здесь.

Встал и прошел в ванную комнату, примыкающую к спальне. Сидела на краю кровати, слушая, как открывает шкафчик, включает воду. Звуки были приглушенными, бытовыми, и от этого все казалось еще более сюрреалистичным.

Через минуту вернулся. В одной руке было небольшое полотенце, в другой — новая, еще в упаковке бритва с несколькими лезвиями и банка густого крема. Выглядел совершенно спокойным, деловым, как хирург перед простой процедурой.

— Ложись, — сказал мягко, кивнув на центр кровати. — На спину.

Глава 8

Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди и укатиться куда подальше. Каждый стук отдавался в висках оглушительным гулом. Смотрела, как Кристиан кладет принесенные вещи на тумбочку.

— Про воду забыл. Можешь просто лечь на спину и снять штаны.

Ушел в ванную. На этот раз услышала, как наполняет таз или, может, просто долго держит воду, чтобы нагрелась.

Осталась одна посреди огромной кровати. Медленно, как во сне, отодвинулась к изголовью и легла на спину, как сказал. Потолок был белым и безликим. Дрожащие руки потянулись к завязкам на штанах. С трудом развязала узел и стала стягивать ткань с бедер. Движения были неуклюжими, я задевала ногами за простыню. Сбросила штаны на пол у кровати и осталась лежать только в кофте и трусах.

Прикрыла глаза, но тут же открыла — темнота за веками была страшнее.

Вода перестала течь. Шаги. Кристиан вернулся, неся в руках небольшую миску с парящей водой..

Забрался на кровать рядом, двигаясь с той же спокойной уверенностью. Устроился на коленях, и ю вес слегка продавил матрас.

— Могу? — спросил, и руки легли на бедра, прямо на

край хлопковых трусов.

Просто кивнула, закусив губу до боли. Медленно, без резких движений, начал стягивать ткань вниз. Помогла, автоматически приподняв бедра и согнув ноги. Трусы соскользнули, и почувствовала, как прохладный воздух комнаты касается самой интимной, обнаженной части.

Прежде чем успела осознать, бедра дернулись, ноги попытались сомкнуться, чтобы скрыть наготу, укрыться. Но его рука была уже там — широкая, теплая ладонь легла на внутреннюю поверхность моего бедра, мягко, но неотвратимо удерживая ногу в разведенном состоянии.

— Не закрывайся, — голос был тихим.

Посмотрела на него. Тот не смотрел в лицо. Взгляд был прикован ниже. К тому месту, которое сама в жизни не видела так, с такого ракурса. Изучал внимательно, без похоти, но и без смущения. Как мастер рассматривает материал, с которым предстоит работать.

Потом потянулся к тумбочке, взял банку с кремом, открыл. Растер, согревая.

— Сейчас будет прохладно, — предупредил и начал наносить крем.

Лежала, глядя в потолок, стараясь дышать ровно, как сказал, и чувствуя на своей коже движение пальцев.

Затем взял бритву. Ополоснул в миске с теплой водой, стряхнул капли. Потом одной рукой слегка натянул кожу у меня на лобке, чтобы сделать поверхность ровнее. Движение

было профессиональным, безликим.

— Лежи неподвижно, — сказал тихо. — И не дергайся. Порезаться не больно, но неприятно.

Кивнула, вцепившись пальцами в простыню по бокам от себя. Зажмурилась. Первое прикосновение лезвия было неожиданным — не острым, а скорее, скользящим и прохладным. Послышался легкий, сметающий звук. Вел бритву уверенными, короткими движениями, счищая полоску за полоской крема и волос под ним. Потом ополаскивал лезвие в воде и продолжал.

Было странно. Не больно. Неприятно — да, от осознания того, что происходит, от полной потери контроля, от этой чудовищной интимности с человеком, которого почти не знала.

Иногда пальцы, державшие кожу, слегка сжимались, чтобы лучше натянуть участок. Иногда он просил: «Чуть поверни бедро». И послушно поворачивала, все так же с закрытыми глазами.

Пыталась не думать. Просто существовать в этом моменте, как существуют под дождем или под солнцем — потому что это происходит, и ничего не поделаешь. Но мысли лезли: он делает меня такой, какой хочет видеть. Стирает следы других. Помечает по-своему.

Наконец, звуки прекратились. Он еще раз провел рукой по обработанной коже, проверяя гладкость. Потом снова взял полотенце, смочил в теплой воде и начал осторожно вы-

тирать остатки крема.

— Готово. Можно открывать глаза.

Медленно открыла глаза. Кристиан слезал с кровати, отнес миску и бритву в ванную. Вернулся с сухим, мягким полотенцем, протянул.

— Вытрись насухо. Чтобы не было раздражения.

Взяла полотенце, села, все еще чувствуя невероятную легкость. Провела полотенцем по коже.

— Ну что, — сказал. — Теперь это мое и твое. Без чужих следов. — сделал паузу. — Ты все еще хочешь продолжать? Или на сегодня достаточно?

— Что? — прошептала, не сразу поняв. Мозг был затуманен странным онемением после процедуры.

— Я спрашиваю, ты хочешь дальше продолжать? — повторил терпеливо, но четко. — Или на сегодня этого было достаточно?

Мысленно пробежалась по тому, что только что произошло. Унизительно, интимно, сокрушительно. Но это не было тем, чего я ожидала под «брачной ночью».

Мы ведь даже ничего друг другу и не сделали в плане… близости. Не поцеловались. Не прикоснулись с желанием. Кристиан просто… привел в соответствие стандартом. И теперь спрашивал, хочу ли еще.

Все тело, все нервы кричали, что с них достаточно. Что нужно отползти в свою комнату, укрыться и переварить этот сюрреалистический опыт. Но была и другая мысль — если

уйду сейчас, то все это окажется напрасным. Просто еще одним странным эпизодом. А мне нужно было... Хоть какое-то подтверждение, что я теперь «правильная».

— Можем… просто полежать, — выдохнула.

— Хорошо.

Наклонился, поднял с пола сброшенные пижамные штаны и… трусы. Аккуратно, без лишних движений, взял их и, приподняв простыню у ног, стал натягивать трусы обратно. Когда ткань легла на вновь обнаженную, гладкую кожу, вздрогнула от контраста ощущений.

— Штаны сама, — сказал, уже отходя к стороне кровати. — Если захочешь.

Скинул футболку через голову, оставшись в одних брюках, и лег на кровать рядом, но не вплотную. Оставалось пространство в полметра. Устроился на спине, закинул руки за голову и закрыл глаза.

Сидела еще секунду. Потом медленно надела штаны. Тоже легла, на спину, как и он, и уставилась в потолок.

Прислушивалась к дыханию, к стуку сердца, которое наконец начало успокаиваться.

— Инес?

— Да?

— Ты любишь апельсины?

— Что? — фыркнула, чуть не рассмеявшись от неожиданности. После всего этого… апельсины?

— Ты любишь апельсины? — повторил совершенно се-

рьезно, как будто это был самый важный вопрос на свете.

— Да, — прошептала, все еще не веря, что мы об этом говорим. — Люблю.

Перевернулся на бок, подперев голову согнутой рукой, и продолжил смотреть на меня. Я, в свою очередь, перевернулась на живот, устроившись поудобнее, подложив руки под подбородок. Так было менее… обнаженно. И проще не встречаться с его взглядом, глядя в сторону.

— Что ты еще любишь?

— Из фруктов? — уточнила.

— Нет. Просто что ты еще любишь?

Кто в последний раз спрашивал меня о таких вещах? Не о навыках, не о том, «подходит» ли это для будущей жены, а просто… что мне нравится?

— Я люблю мандарины, — сказала осторожно. — Даже больше, чем апельсины. Их проще чистить. И запах… — замолчала, почувствовав глупо. — Потом… люблю орехи. Грецкие.

— А не из еды? — настаивал, и в голосе сквозил неподдельный интерес. Как будто действительно хотел знать.

Уткнулась лицом в скрещенные на кровати руки. Говорить об этом было почти так же страшно, как лежать обнаженной.

— Пианино, — выдохнула наконец. — Люблю… когда получается. Когда пальцы сами помнят, а не я их заставляю. Люблю запах старых книг. И… тишину по утрам, когда в до-

ме еще все спят.

Сказала это и замерла, ожидая насмешки или равнодушного кивка. Но мужчина просто слушал.

— А ты? — спросила, решившись. — Что ты любишь?

— Все, — ответил сразу, и услышала легкую ухмылку в голосе.

— Такого не может быть, — возразила, поднимая взгляд. Он все так же лежал на боку, изучая мое лицо. — Ведь явно что-то тебе не нравится.

— Не нравится, — согласился. Рука, лежавшая между нами на простыне, медленно протянулась и легла мне на поясницу, чуть выше талии. Прикосновение было легким, почти невесомым, но очень теплым. — Мне не нравится, когда мне врут. Особенно когда правда очевидна, а человек нагло врет прямо в глаза. Терпеть не могу.

Пальцы слегка пошевелились, как бы прочерчивая невидимые линии на моей спине через ткань пижамы.

— Мне не нравится непунктуальность. Потому… ты меня разозлила. Я планирую свое время. И когда кто-то его бездумно крадет… это раздражает. — говорил об этом без злости. — Еще не люблю, когда вино слишком сладкое. И когда люди громко жуют.

Слушала, и эти мелкие, бытовые детали складывались в портрет человека.

— А что любишь? — не отпускала, чувствуя, как странное, почти мирное спокойствие начинает разливаться по те-

лу от тепла ладони на спине.

— Люблю… скорость. Люблю кофе, очень крепкий, без всего. И тишину. Когда все дела сделаны, и можно просто сидеть и ничего не делать.

— Что еще расскажешь? — спросила, уткнувшись носом в скрещенные руки. Рука на пояснице двигалась медленно, почти гипнотически, и от этого тепла и ритма по телу разливалась непривычная, тяжелая расслабленность.

— Все боссы из союза уже завели себе семьи, представляешь? — начал, и в голосе прозвучала какая-то странная смесь. — У Валерио уже сын. У Амадо тоже сын. У Фабио — дочка. У Мартина… Ну, у Мартина вообще история. Есть приемная дочка и его девушка беременна.

— Ого, — прошептала. — Приемная? А почему?

— Мартин и Камила так захотели, — пожал плечами. — Нашли девочку в тяжелой ситуации, взяли.

Произнес это без осуждения, скорее с недоумением. Как будто сам не до конца понимал такие порывы.

— И все это… Пока мы с тобой тут лежим и говорим об апельсинах, — добавил.

Потом вздохнул, и этот вздох был другим — тяжелым, нагруженным.

— А еще есть эта война с Саморано, — выдохнул, и рука на мгновение замерла. — Они как муравьи на деревьях. Или тараканы. Кажется, вывел всех — нет, выползают еще и еще. Упрямые, мерзкие, и их чертовски сложно окончатель-

но убрать.

— Ты… не хочешь войны? — рискнула спросить тихо.

— Ее никто в здравом уме не хочет, Инес. Война — это не «прикольно», как говорят некоторые горячие головы. Это расходы. Потери. Постоянное напряжение. Ты не можешь расслабиться ни на секунду, потому что знаешь — расслабишься, и они вцепятся в горло. Это выматывает. Отвлекает от настоящих дел.

Рука, гладившая поясницу, медленно поползла вверх, вдоль позвоночника. Коснулась лопаток, провела между ними, затем поднялась к шее. Пальцы вплелись в распущенные волосы, медленно, почти нежно, расчесывая их, распутывая несуществующие узлы. Потом ладонь легла на затылок, согревая своим теплом.

Лежала, затаив дыхание, позволяя это делать. Прикосновения были странными — властными, но не агрессивными. Успокаивающими, но не сентиментальными.

— Видишь? — прошептал, голос теперь звучал прямо над ухом. Лежал так близко, что чувствовала тепло всего тела. — Ты даже не заметила, как я уже здесь. И как ты перестала дрожать.

Он был прав. Дрожь ушла, оставив только глухую усталость в костях.

Потом рука соскользнула с волос, легла на мое плечо, и почувствовала легкое, но недвусмысленное давление.

— Перевернись, — сказал уже обычным, низким голосом.

Послушно перевернулась. Тот приподнялся на локте, глядя сверху. В сером свете, пробивавшемся сквозь шторы, лицо казалось резким и незнакомым.

Рука легла мне на живот. Пальцы впились в ткань пижамы, и почувствовала их тепло сквозь хлопок. Взгляд был прикован к моему лицу, тяжелый и неотрывный.

Смотрела, не в силах отвести взгляд.

Медленно наклонился. Губы коснулись плеча. Вздрогнула, но не отпрянула. Рука на животе слегка сжалась, удерживая на месте.

Второй поцелуй был уже чуть увереннее. Губы задержались на коже дольше, стали теплее. Выдохнул, и горячий воздух обжег плечо.

Третий был уже не просто касанием. Язык провел по моей коже горячей, едва уловимой полоской, а зубы слегка, предупредительно сжали плоть. Не больно. Но достаточно, чтобы все телоотозвалось электрическим разрядом, пробежавшим от плеча до самых кончиков пальцев на ногах.

Оторвался, дыхание стало чуть слышнее. Смотрел на то место, которое только что поцеловал, а потом снова перевел взгляд на лицо.

Рука с живота медленно поползла вверх, скользнула под пижамную кофту и легла на ребро. Ладонь была шершавой, горячей, невероятно реальной.

— Видишь? Привыкаешь.

Снова наклонился, на этот раз губы нашли чувствитель-

ную впадину у основания моей шеи. Дышал. Вдыхал запах. Свободная рука поднялась и запуталась в волосах, мягко оттягивая голову назад, открывая шею еще больше для него.

Лежала, парализованная этим шквалом ощущений.

— Кристиан…

На секунду замер, губы все еще прижаты к шее.

— М-м? — отозвался, и вибрация от этого звука прошла прямо по коже.

Закрыла глаза, отдаваясь на волю этого странного, пугающего и невероятно интенсивного утра.

Кристиан продолжал медленное, методичное исследование. Губы скользнули от шеи к нежному, скрытому за ухом месту, вызвав непроизвольную дрожь, которую не смогла подавить. Рука в волосах слегка сжалась. Вернулся к плечу, к ключице, оставляя на них влажные, горячие следы, которые, казалось, прожигали ткань пижамы.

Приподнял голову, лицо было теперь прямо над моим. Взгляд упал на губы. Медленно, давая мне время отпрянуть, наклонился. Замерла, увидев намерение.

— Я не у… — начала панически шептать.

— Учись, — прошептал.

Губы коснулись моих.

Первый поцелуй был нежным, пробным, почти целомудренным. Просто смыкание губ. Но даже этого было достаточно, чтобы мир вокруг поплыл.

Отстранился на сантиметр, взгляд все еще был прикован к

губам, как будто оценивал эффект. Потом снова наклонился.

Второй поцелуй был уже другим. Приоткрыл рот, и язык коснулся губы, требуя доступа. Сжала губы, но не стал ломиться. Просто продолжал мягко, но настойчиво водить кончиком языка по линии губ, пока сами собой не разомкнулись под этим настойчивым, гипнотическим ласканием.

Язык исследовал рот с той же методичной тщательностью, с какой губы исследовали кожу. Одна рука все еще была в волосах, другая лежала на боку под пижамой, большой палец медленно водил по ребрам.

Я не отвечала. Была слишком ошеломлена, слишком захвачена врасплох. Просто позволяла, чувствуя, как все тело медленно разогревается от этого странного, властного вторжения.

Оторвался, дыхание было сбивчивым. Смотрел на лицо, на растерянные, широко открытые глаза.

— Дыши, — сказал тихо, и губы снова коснулись, на этот раз коротко, почти ласково. — И расслабься. Ты вся напряжена, как доска. Целоваться — это не экзамен. Это… должно быть приятно.

Снова поцеловал меня, и на этот раз, сквозь оцепенение.

Неуверенно пошевелила губами в ответ. Его поцелуй стал чуть мягче, чуть более поощряющим.

Рука под пижамой, лежавшая на боку, медленно поползла вверх. Кончики пальцев скользнули по нижнему ребру. Все тело вздрогнуло в предвосхищении. Поцелуй стал глуб-

же, влажнее, в нем появилась новая, жгучая нота. Он перестал быть уроком. В нем проснулась настоящая, сдерживаемая до этого момента страсть. Язык стал настойчивее, губы сильнее прижимались, а рука в волосах притянула еще ближе, почти стирая последние остатки дистанции.

Тонула в этом. Пальцы были уже в сантиметре от нижнего края груди, и замерла, не зная, ждать ли этого прикосновения или бояться.

И вдруг… Губы покинули мои, оставив их влажными, холодными и невероятно одинокими. Рука, уже почти коснувшаяся груди, резко дернулась назад и легла обратно на бок, тяжело и неподвижно, как гиря.

Тяжело дышал, лоб уткнулся в плечо. Горячее, прерывистое дыхание обжигало кожу сквозь тонкую ткань.

— На сегодня достаточно, — прошептал прямо в мое плечо, и голос был хриплым, сдавленным. — Слишком много для тебя… и для меня контроля.

Лежал так, прижавшись лицом к плечу, и я чувствовала, как бьется сердце — учащенно, сильно, совсем не так спокойно, как всегда. Он был возбужден. И он… остановил себя.

— Просто… лежи, — пробормотал, все еще не поднимая головы. Рука на моем боку разжалась, погладила один раз, жестко, почти как бы успокаивая самого себя, а затем убралась. Откатился на спину, закинул руки за голову и уставился в потолок. Грудная клетка сильно вздымалась и опадала.

Лежала рядом, вся в смятении. Губы горели. Тело звенело от невыраженных ощущений. А он просто лежал и пытался отдышаться. Отдышаться от того, что сам же начал и сам же оборвал.

Тишина в комнате словно стала густой, но теперь.

Кристиан показал, что может быть страстным. И что может эту страсть обуздать. Не ради моих чувств, а ради своего собственного… Не знаю.

Глава 9

Стояла перед зеркалом в нежном фиолетовом платье, которое кто-то из служанок аккуратно разложил на кровати. Оно было скромным, но элегантным, с открытыми плечами. Каблуки невысокие, но все равно заставляли чувствовать выше. Волосы уложили в мягкие локоны, макияж.

Кристиан вошел в комнату без стука, уже одетый в идеально сидящий темно-серый костюм. Остановился в дверях, оценивающе окинул меня взглядом.

— Хорошо, — заключил просто. Ни «ты прекрасно выглядишь», ни «мне нравится».

— А будут люди из союза пяти семей? — спросила, проверяя в последний раз помаду. Мне было важно знать, в какую именно воду предстоит войти.

— Нет, — ответил, поправляя манжету. — Мы пытаемся не собираться так часто и так открыто. Если и собираемся, то очень скрытно. После последних… событий

— Поняла, — кивнула. Значит, сегодня не мафиозный сход. От этого становилось и легче, и тревожнее. Там могли быть обычные люди. Которые увидят обычную пару.

— А с кем именно будем ужин?

— С партнерами по бизнесу, — сказал, взгляд встретился в зеркале. — Импорт оливкового масла, текстиль. Ничего такого страшного. У одного из них день рождения.

Повернулась от зеркала, и взгляд упал на руки, поправляющие галстук. Длинные пальцы, уверенные движения.

И вдруг, откуда ни возьмись, всплыло воспоминание.

Как увидела его на дне рождения партнера отца. Мне тогда было семнадцать. Пришла на вечер с матерью, в слишком взрослом, неудобном платье, и пряталась в углу, наблюдая за мужчинами в дорогих костюмах, которые говорили тихо, но так, что все вокруг затихали.

Ему было двадцать девять. Он стоял у высокого окна, спиной к залу, разговаривал по телефону. Высокий, с прямой, почти неподвижной спиной. И даже тогда, издалека, от него веяло такой сосредоточенной, холодной силой, что мне стало не по себе. Я тогда подумала: «Какой страшный человек». И быстро отвела глаза.

Смотрела сейчас на него, на этого же человека, который неделю назад брил меня в своей спальне, который целовал меня так, что темнело в глазах, а потом резко останавливался. На мужчину, который был моим мужем.

Он поймал мой взгляд, нахмурился.

— Что-то не так?

— Нет, — быстро ответила, отводя глаза. — Просто вспомнила… я видела тебя раньше. На таком же дне рождения.

— Я бывал на таких мероприятиях у твоего отца. — сделал шаг, взял мою сумочку со столика и протянул. — Но тогда ты была девочкой. А теперь ты моя жена. Веди себя со-

ответственно.

— Поняла, — сказала, принимая сумочку. Пальцы чуть дрожали.

— Тогда пошли. Не будем заставлять ждать, — повернулся и вышел из комнаты.

Сделала глубокий вдох, посмотрела в зеркало еще раз на свое отражение — взрослую женщину в фиолетовом платье, с тайной и страхом в глазах. А потом пошла за ним, навстречу своему первому публичному появлению в качестве сеньоры Альварес.

***

Прикусила губу, пытаясь взять себя в руки. Что со мной не так? Мы просто едем на ужин. Он мой муж. Я должна быть спокойна, холодна, как он. А вместо этого я краснею, как дура, от одного взгляда. После всего, что было… после прикосновений, после поцелуя, который оборвался так внезапно… я не могла быть просто декорацией. Мое тело помнило. И реагировало.

— Ты нервничаешь.

— Нет, — соврала автоматически, но тут же пожалела. Он ненавидел ложь.

— Врешь, — сказал беззлобно, как будто констатировал погоду. — Щеки красные, руки сжимают сумочку. Дышишь нервно. Из-за чего? Из-за ужина? Или из-за меня?

Не знала, что ответить. Правда была где-то посередине, и

она была слишком сложной и стыдной, чтобы высказать ее вслух.

Боюсь опозорить тебя. Боюсь, что все увидят, какая я неопытная и неуверенная. И боюсь тебя самого, потому что не понимаю, что ты от меня хочешь, и от твоего взгляда у меня кружится голова.

— И то, и другое, — выдавила наконец, выбирая самый безопасный вариант полуправды.

— На ужине ничего от тебя не потребуется, кроме умения улыбаться и поддерживать светскую беседу. Если не знаешь, что сказать, — кивай и улыбайся. Все просто. — сделал паузу. — А что до меня… — медленно повернул голову, — … то у тебя нет причин бояться. Я не съем тебя на людях. И не позволю это сделать никому другому. Ты под моей защитой. Просто… расслабь плечи, — рука вдруг легла на колено, поверх тонкой ткани платья. Тепло и вес его ладони были знакомыми и все так же смущающими. — И перестань сжимать эту сумочку, как гранату. Все будет хорошо.

Прикосновение, как ни странно, сработало. Не как успокоение, а как напоминание о власти. Пока следую его правилам, мне не о чем беспокоиться. Это было не очень утешительно, но… работало. Напряжение в плечах чуть спало. Разжала пальцы на ручке сумочки.

— Хорошо, — прошептала.

— Хорошо, — повторил удовлетворенно, и убрал руку, как будто миссия по приведению меня в порядок была вы-

полнена.

Ехали дальше в тишине. Щеки все еще горели, но теперь не только от смущения. От осознания простой истины: с ним было страшно. Но без него, в этом чужом городе, среди этих чужих людей, было бы страшнее во сто крат.

Машина бесшумно остановилась под ярким светом маркизы дорогого ресторана. Швейцар тут же подскочил, открыл дверь с моей стороны.

Вышла, поправив невидимые складки на платье, и холодный вечерний воздух ударил по оголенным плечам.

Кристиан вышел с другой стороны. Не спеша обошел машину, и пока ждали, когда водитель отъедет, совершил несколько точных, отточенных движений: поправил манжету, втянул живот, заправил выбившуюся полоску рубашки, провел ладонью по бедрам, сглаживая невидимые заломы на брюках. Каждое движение было лишено суеты, наполнено абсолютной уверенностью.

Шаги были твердыми по брусчатке. Остановился вплотную. Взгляд скользнул по лицу, проверив последние детали.

Затем рука легла на талию. Не на плечо, не под локоть — именно на талию. Широкая, теплая ладонь обхватила сбоку, пальцы слегка вжались в ткань платья. Жест был властным, однозначным, интимным.

— Идем, — сказал тихо, почти в ухо, и рука мягко, но недвусмысленно подтолкнула вперед, к освещенному входу.

Под рукой почувствовала себя одновременно уязвимой и

отмеченной. Как будто не просто вел, а физически включал в свое пространство, в свою ауру власти и контроля. Все смотрящие на нас увидят не просто пару. Увидят, что я принадлежу ему.

Сделала шаг, стараясь идти в ногу с ним, чувствуя жар ладони. Впереди были свет, музыка, чужие лица и мой первый экзамен в роли сеньоры Альварес. Но в этот момент вся моя концентрация была прикована к одной точке.

Вошли внутрь. Воздух ударил в лицо — густая, тяжелая смесь дорогого табака, выдержанного виски и океана разнообразных, конкурирующих между собой духов. От этого богатства запахов слегка закружилась голова. Мягкий гул голосов, звон бокалов, тихая джазовая музыка — все это сливалось в один сплошной, нарядный шум.

Кристиан, не отпуская талии, уверенно повел через зал, кивая редким знакомым. Все взгляды скользили по нам — оценивающие, любопытные, почтительные. Он игнорировал их с легкостью привыкшего к вниманию человека.

Подошли к группе мужчин, стоявших у высокой стойки бара. Центральным был немолодой, но энергичный мужчина с седыми висками и внимательными глазами. Увидев Кристиана, лицо расплылось в широкой, искренней улыбке.

— Северино, — позвал Кристиан, и голос, всегда такой тихий рядом со мной, прозвучал здесь уверенно и тепло. Рука на моей талии оставалась на месте, утверждая нашу связь на виду у всех.

— Кристиан, старина! Рад, что ты смог! — Северино шагнул навстречу, и обменялись крепким рукопожатием. — А это ваша… — взгляд Северино перешел на меня, вежливый и любопытный.

— Это Инес, — представил Кристиан коротко, но пальцы на боку слегка сжались.

Собралась с духом и протянула руку, стараясь, чтобы улыбка не выглядела слишком натянутой.

— Добрый вечер, — сказала Северино, взяв руку в свои и склоняясь, чтобы поцеловать чуть выше костяшек. Губы были сухими, прикосновение легким и галантным. — Поздравляю. Мы слышали о вашей свадьбе. Настоящая красавица, Кристиан, поздравляю.

— Спасибо, — ответил за меня Кристиан, и в голосе прозвучало удовлетворение, как у человека, чей выбор получил одобрение. — Инес, это Северино Кастильо, мой старый друг и партнер.

— Добрый вечер, сеньор Кастильо, — сказала, и голос прозвучал тише, чем хотелось бы, но, кажется, достаточно четко. — Очень приятно.

— О, пожалуйста, просто Северино для друзей, — отпустил руку, улыбаясь. — Надеюсь, вы уже немного освоились в нашем городе? Барселона может быть ошеломляющей для новичка.

Открыла рот, чтобы ответить что-то вежливое и незначительное, но Кристиан слегка привлек ближе.

— Она только начинает привыкать, — ответил вместо меня, большой палец начал медленно водить по боку сквозь ткань платья. — Но, думаю, скоро почувствует себя как дома.

Краска снова заливала щеки, но на этот раз не только от смущения. От странной, новой смеси стыда, гордости и осознания своей роли.

Отвлеклась на длинный стол, уставленный изысканными закусками — тонкими ломтиками хамона, яркими тарталетками, блестящими устрицами на льду.

Желудок заурчал, напоминая, что почти ничего не ела с обеда, готовясь к этому вечеру. На автомате сделала шаг в сторону стола, потянувшись за ним.

Но я не прошла и полуметра. Рука Кристиана на талии мгновенно превратилась из направляющего жеста в мягкую, но абсолютно непреодолимую преграду. Не дернул резко — просто притянул обратно, как будто была на невидимом поводке.

Невольно вздохнула — коротко, с раздражением, которое тут же испугалась выказать.

Наклонился так, что губы коснулись макушки. Дыхание, теплое и с легким запахом виски, обожгло кожу, и по спине побежали мурашки.

— Подожди чуть, — прошептал. — Скоро подойдем, и ты поешь. Сначала нужно поприветствовать остальных. Невежливо сразу бросаться к еде, как будто тебя не кормили.

Кивнула, едва заметно, и замерла на месте, чувствуя, как жар от близости распространяется по всему телу. Мурашки еще не прошли. Смотрела на закуски, но уже не видела.

Он что-то говорил Северино, смеялся.

— Кристиан!

Мужской голос, бархатистый и уверенный, перекрыл гул беседы.

Обернулась и увидела мужчину, подходящего к нам. Карие глаза, такие же темные, как аккуратно зачесанные назад волосы, смотрели на нас с легкой, дружеской улыбкой. Он был чуть моложе Кристиана, одет с той же безупречной, но менее строгой элегантностью.

— Фабио, — отозвался Кристиан, и в голосе уловила легкое удивление, быстро смененное привычной собранностью. — Не ожидал, что ты будешь тут.

Фабио Викарио. Третий босс союза пяти семей в Барселоне. Его имя я слышала в списке, который когда-то зачитывала мать. Муж Елены, которая, как говорили, была одной из самых влиятельных и стильных женщин в их кругу.

— Планы поменялись, — легко ответил Фабио, пожимая руку Кристиану. — Нас позвали в последнюю минуту, не смогли отказать. — кивнул в сторону именинника, который отошел поговорить с другими гостями.

— Ты без Елены?

— Она где-то там, — Фабио махнул рукой в сторону толпы у закусок. — Обсуждает с кем-то последнюю коллекцию

какой-то портнихи.

Потом взгляд, внимательный и оценивающий, перешел на меня. Улыбка не сошла с его лица, но в глазах появился профессиональный интерес.

— Инес, верно?

— Да, — ответила, чувствуя, как под этим взглядом мне хочется отступить назад, к Кристиану.

— Добрый вечер, — сказал Фабио, протягивая руку. — Я Фабио Викарио. Очень приятно познакомиться. Мы с Еленой были на вашей свадьбе, но, кажется, не успели поздравить лично — такой наплыв гостей.

Подала руку. Рукопожатие было крепким, но недолгим, вежливым.

— Очень приятно, сеньор Викарио, — сказала, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Спасибо, что пришли.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отпустил руку, взгляд скользнул на Кристиана и снова вернулся ко мне. — Надеюсь, Барселона уже не пугает так, как в первый день? Кристиан, надеюсь, не слишком строг с тобой? — подмигнул, и в этом жесте была какая-то фамильярная легкость, которая казалась неуместной рядом с ледяной сдержанностью моего мужа.

Кристиан не ответил на шутку. Лишь слегка наклонил голову.

— Инес осваивается, — сказал нейтрально. — У нее есть все для комфорта.

— Рад слышать, — кивнул Фабио. Взгляд еще раз быстро оценил платье, прическу, общее впечатление, и я поняла — это была не просто оценка мужчиной женщины. Это была оценка коллеги — соответствует ли «актив» статусу, не подведет ли в публичном пространстве. — Елена будет рада с тобой поболтать, когда представится случай. Она умеет… вводить в курс дела.

Произнес это с легкой усмешкой, но в его словах уловила намек. «Вводить в курс дела» — значит, объяснять неписаные правила, знакомить с нужными людьми, учить, как держаться в этом мире.

— Буду рада, — вежливо ответила, не зная, что еще сказать.

Фабио кивнул, удовлетворенный, и снова обратился к Кристиану, заговорив о каких-то поставках или квотах, используя термины, которых не понимала.

— Фабио.

Голос прозвучал сзади, легкий, мелодичный, с теплым кастильским акцентом.

Перед нами стояла девушка. Испанская красавица. Загорелая, гладкая кожа цвета золотистого меда, усыпанная россыпью веснушек на носу и скулах. Карие, как у Фабио, но более живые и умные глаза смотрели прямо и открыто. Темные волосы были собраны в небрежный, но элегантный пучок, с которого выбивалось несколько завитков. На ней было простое черное платье, и, кажется, она и правда была почти

без макияжа — только тушь на длинных ресницах и блеск на губах. В ее внешности была какая-то здоровая, сияющая естественность, которая резко контрастировала с вылизанной, томной красотой женщин вокруг.

— Елена, дорогая, — улыбнулся Фабио. Обнял за плечи, легко притянув. — Знакомься. Это Инес, жена Кристиана.

Елена перевела внимательный, дружелюбный взгляд. Улыбка не стала шире.

— Я Елена, — сказала, протягивая руку. — Мне приятно наконец познакомиться с тобой. Надеюсь, тебя не слишком пугает Барселона? Новое место, новые люди… Все это может быть ошеломляющим.

— Мне тоже очень приятно, — ответила. — Барселона… красивая. Я только начинаю привыкать.

— Это нормально. Другие девушки будут рады с тобой познакомиться и помочь освоиться.

— Другие? — чуть растерялась. Думала, она имеет в виду светских львиц, жен других партнеров.

— Анна, Камила и Сара, — перечислила Елена, как будто говорила о своих подругах с детства. — Жены остальных «боссов», если говорить нашим мужским языком, — она с легкой иронией кивнула в сторону Фабио и Кристиана. — Мы все… ну, в одной лодке, что ли. Понимаем друг друга. Но их сейчас тут нет, к сожалению. — взмахнула рукой, как будто отмахиваясь от досадной помехи. — Ну и ладно. У нас с тобой будет время поболтать без них.

В тоне не было ни подхалимства, ни высокомерия. Была прямая, практичная доброжелательность человека, который видит перед собой новичка в своем закрытом клубе и готов помочь с правилами.

Кристиан все это время молча наблюдал. Он обменялся с Фабио каким-то понимающим взглядом.

— Елена, не загружай ее сразу всеми нашими сплетнями, — с легкой улыбкой сказал Фабио.

— Ой, да ладно тебе, — отмахнулась Елена, но улыбнулась в ответ. Потом снова посмотрела на меня. — Просто знай, Инес, что ты не одна. У нас тут своя… женская лига. Если что — обращайся. По любому поводу. От выбора духов до того, как не сойти с ума от мужских разговоров о поставках и территориях.

— Елена является моим консильери, — произнес Фабио с невозмутимым видом, отхлебывая шампанское из бокала. Он сказал это так же просто, как мог бы сказать «моя жена — отличный повар».

Наступила секундная пауза. Елена медленно повернула к нему голову, ее брови поползли вверх.

— Фабио, — сказала ровным, но предупреждающим тоном. — Это к чему ты сейчас сказал?

Фабио лишь улыбнулся, и в улыбке было что-то между гордостью и легкой провокацией.

— Похвастался, — пожал плечами. — Инес должна знать, с кем имеет дело. Ты же не просто моя жена, ты — мой мозг

в юбке.

Застыла, стараясь не показать, насколько ошеломили эти слова. Советник. Причем не просто домашний, а официальный. Голос в совете. Ушами и глазами босса, но и самостоятельный игрок с правом голоса. В нашем мире, где женщины обычно были либо украшением, либо разменной монетой, либо матерями наследников, это было… не просто редкостью.

Елена казалась такой… нормальной. Живой. А за этой внешностью скрывался один из самых влиятельных умов в преступном союзе Барселоны. Моя мать, которая трепетала перед мужчинами и учила меня только молчать и подчиняться, даже представить такого не могла.

Кристиан, стоявший рядом, не выказал ни малейшего удивления. Значит, это была общеизвестная, хоть и не афишируемая, истина в их кругу.

— Мой мозг иногда в юбке, а иногда в брюках, в зависимости от настроения, — парировала Елена, все еще смотря на мужа с притворным неодобрением, но в глазах промелькнула искорка удовлетворения. — Не слушай его. Но да, я помогаю Фабио с некоторыми… организационными вопросами. И да, — добавила тише, — если тебе когда-нибудь понадобится совет, как ориентироваться в наших водах, которые могут быть очень мутными… моя дверь открыта. Не как консильери, а как женщина, которая когда-то тоже была новенькой и очень, очень напуганной.

Кивнула, все еще переваривая.

— Спасибо, — сказала искренне. — Я… я буду иметь в виду.

Елена улыбнулась, и на этот раз улыбка была теплой и ободряющей, без тени снисхождения.

— Отлично. А теперь, простите, мне нужно спасти того беднягу-официанта от старого маркиза. Увидимся позже за ужином, Инес. — кивнула мне, затем Кристиану, взяла Фабио под руку и увела в сторону, оставив нас наедине с этим новым, грандиозным открытием.

Кристиан наклонился, губы коснулись уха.

— Видишь? — прошептал. — Мир не черно-белый. И роли в нем могут быть… разными.

— Теперь мы можем идти есть? — прошептала, набравшись смелости после всей этой информации и странного облегчения от встречи с Еленой.

Уголок губ дрогнул в улыбке.

— Можем, можем. Выстояли церемонию, заслужили награду.

Рука решительно развернула в сторону того самого стола с закусками. На этот раз ничто не мешало нашему движению. Вел сквозь толпу, и люди почтительно расступались. Шла рядом, уже меньше думая о том, как выгляжу со стороны, и больше думая о еде и о том, что только что узнала.

Подошли к столу. Неуверенно взяла небольшую тарелку.

— Бери устрицы, — сказал тихо, указывая взглядом. —

Они здесь отменные. И хамона вот этого, — кивнул на темно-красные, почти прозрачные ломтики.

Послушно положила на тарелку пару устриц в раковинах и несколько ломтиков хамона. Потом потянулась к крошечным тарталеткам с крабом.

— А это… — начала.

— Можно, — перебил. — Но осторожно, острое.

Сам взял тарелку и начал накладывать еду быстрыми, точными движениями, явно зная, что стоит брать, а что нет.

Когда тарелки были заполнены, он снова положил руку на спину, чуть выше талии, и повел к свободному столику у окна.

— Садись, — сказал, отодвигая стул. — И ешь. Пока не начались тосты и бесконечные речи.

Села. Кристиан ел быстро, эффективно, время от времени окидывая взглядом зал. Я ела медленнее, смакуя каждый кусочек, пытаясь растянуть этот момент странного, хрупкого перемирия. Возможно, это был всего лишь перерыв в спектакле. Но даже перерыв был лучше, чем непрерывное действие.

Глава 10

После того вечера, после встречи с Еленой, после той странной, почти мирной трапезы с Кристианом, внутри сдвинулось. Нельзя вечно прятаться в углу своей клетки, даже если она обставлена книгами.

Вошла в ту комнату. Солнечный свет падал на полированную черную крышку пианино. Подошла, медленно открыла.

Протянула руку, коснулась одной — холодной и гладкой. Звук прозвучал чистым, одиноким ударом в тишине комнаты.

Сначала просто положила руки на клавиши, почувствовала под пальцами. Потом попробовала сыграть гамму. Пальцы были деревянными, неуверенными, путались. Звуки выходили корявыми, фальшивыми. Стиснула зубы и попробовала еще раз.

Потом вспомнила самую простую мелодию из детства — колыбельную, которую мне пела няня. Попыталась одной рукой. Сначала не получалось совсем. Потом, через десяток ошибок, пальцы нашли первые три ноты. Потом еще две.

Играла эту простую мелодию снова и снова, каждый раз чуть увереннее. Не думала о технике, о нотах. Думала о том чувстве, которое эта мелодия вызывала — о тепле, о безопасности, о давно утраченном.

— Красиво.

Завизжала. Пальцы соскользнули с клавиш, издав резкий, диссонирующий аккорд.

Обернулась, вцепившись в край табурета.

В дверном проеме стоял, прислонившись . к косяку Кристина. На нем была домашняя одежда — темные спортивные штаны и простая серая футболка, на ногах — носки. Лицо было спокойным, даже расслабленным.

— Прости. Не хотел пугать. Проходил мимо, услышал. Не мог не зайти.

Пыталась отдышаться, чувствуя, как жар стыда заливает лицо. Завизжать при нем! Как идиотка!

— Я… я не слышала, как ты вошел, — пробормотала, отводя взгляд.

— Ты была сосредоточена. Это хорошо. — сделал паузу. — Что это было?

— Так… просто. Детская колыбельная.

Подошел совсем близко и облокотился о пианино, склонившись.

— Сыграй еще раз.

Сделала глубокий вдох, стараясь унять дрожь в руках, и снова положила пальцы на клавиши. Начала с самого начала. Пальцы все еще путались, сбивались с ритма, но играла. Простые, незамысловатые ноты колыбельной поплыли в тишине библиотеки.

Кристиан тем временем отодвинул тяжелое кресло от стола, бесшумно подкатил к пианино и сел прямо рядом.

Когда закончила, убрав руки с клавиш, в комнате повисла тишина. Потом протянул свои руки. Длинные, сильные пальцы с четкими суставами легли на клавиши.

Он повторил мою мелодию. Точь-в-точь. Только звучала она у него иначе — ровнее, увереннее, с едва уловимыми акцентами, которых у меня не было. Сыграл один раз, потом, не останавливаясь, перешел во что-то другое. Мелодия сменилась на более сложную, печальную и красивую. Пальцы двигались легко и точно, извлекая из инструмента глубокий, бархатный звук.

Сидела, завороженная, забыв о смущении.

— Ты умеешь?

Не переставая играть, просто кивнул, не глядя на меня.

— Тебя… кто-то учил? — рискнула спросить, не веря, что такой человек, как он, мог тратить время на столь «непрактичное».

— Отец заставлял меня играть. Несмотря на то что я был наследником, он считал, что наследник должен уметь все. Или, по крайней мере, производить впечатление человека, который умеет все. Музыка, искусство, литература — все это было частью… образа. — снова коснулся клавиш, извлек несколько тихих, задумчивых аккордов. — Нанял лучших учителей. Я ненавидел эти уроки, но научился. Потому что не научиться было нельзя. А ты? Тебя заставляли?

Покачала головой.

— Нет. Я сама хотела. Потом сказали, что это несерьезно.

— Потому что ты девочка. Твое предназначение было другим, — произнес без осуждения, просто анализируя.

Встал, отодвинул кресло.

— Продолжай. Только в следующий раз выбери что-нибудь повеселее. Эта твоя колыбельная навевает тоску.

Вышел из библиотеки, оставив дверь приоткрытой. Сидела, глядя на клавиши, все еще чувствуя в воздухе отзвуки той красивой, печальной мелодии, которую сыграл. И понимала, что только что увидела еще одну грань Кристиана Альвареса. Ту, которую, возможно, не видел никто.

«Выбери что-нибудь повеселее».

Снова положила руки на клавиши. Но теперь не для робких попыток. Всплыли образы: холодные глаза отца за столом, тяжелая рука Кристиана на талии, шепот матери в ухо, унизительный воск на коже, страх, стыд, гнев, который я годами заталкивала куда подальше.

Вдохнула полной грудью и ударила по клавишам. Не знала нот, играла на слух, на чувстве. Пальцы били по клавишам не плавно, а отрывисто, резко. Музыка вырывалась отрывистыми, почти яростными пассажами. Она была некрасивой, сырой.

Играла о заточении. О золотой клетке. О гневе, который нельзя высказать. О страхе, который сжимает горло. О желании разбить что-нибудь.

Звуки летели, сталкивались, создавая хаотичную, бурлящую симфонию моего внутреннего состояния. Забыла о тех-

нике, забыла о том, что могут услышать. Просто выливала наружу все, что копилось годами, через этот внезапно оживший инструмент.

***

Ковыряла вилкой рыбу, избегая взгляда.

— Выпустила злость?

Вопрос прозвучал ровно. Вздрогнула и подняла глаза.

— М-м?

— Ты так по клавишам долбила, — пояснил, отрезая кусок. Внимание было будто приковано к еде, но каждый мускул в позе был внимателен. — Выпустила злость?

Он не спрашивал «о чем ты думала» или «что это была за музыка». А сразу задал точный, пронзительный вопрос.

Не стала отрицать. Что было толку?

Кивнула, опустив глаза обратно в тарелку. Да. Выпустила. Немного. И теперь чувствовала себя одновременно опустошенной и… чуть более цельной. Как будто гнойник вскрыли.

— Хорошо. Инструмент для этого и стоит. Чтобы не бить посуду и не ломать мебель. — Отпил вина. — В следующий раз, если захочешь продолжать в том же духе, закрой окна.

Снова кивнула. «Хорошо». Это было все, что могла сказать.

— Сейчас поеду в центр, — сказал, отпивая последний глоток воды. — Забыл там кое-что забрать вчера. Поедешь со мной. Мои ребята побродят с тобой по магазинам, пока я

буду занят. Купишь что-нибудь. Платья там, обувь, что тебе нужно.

Кивнула, не глядя.

— И телефон себе купи, — добавил, и почувствовала, как взгляд уткнулся в меня. — А то я за всю неделю ни разу не видел, чтобы ты в телефоне копалась. У тебя что, его нет?

Почувствовала, как по шее пополз предательский румянец. Пришлось поднять глаза. Кристиан смотрел на меня с полным недоумением.

— Нет, — вышло хрипло. — Не было.

Откинулся на спинку стула, и брови поползли вверх.

— Серьезно? — переспросил. — Никогда?

— Никогда, — подтвердила, уставившись в узор на скатерти. — Родители говорили, что это вредно. Отвлекает. Что мне нужно быть сосредоточенной на учебе и на том, чтобы быть… правильной. Вот и не покупали.

Несколько секунд молчал. Слышала, как медленно выдыхает.

— И как ты жила-то? — спросил наконец. — С друзьями как связывалась? Новости откуда узнавала?

— Компьютер был, — сказала тихо, и теперь уже сама слышала, насколько это звучало жалко. — На час в день. Но там нельзя было ничего, кроме учебных программ. Все отслеживалось.

Закончила и сама осознала весь абсурд. Я прожила девятнадцать лет в информационной пустоте, как монашка в ке-

лье, и даже не думала об этом как о чем-то ненормальном. А для него, для человека, чья жизнь была сплетена из звонков, сообщений, сводок и переговоров, это, наверное, выглядело дикостью.

Резко встал, стул заскрипел.

— Ладно. Значит, сегодня купим тебе телефон. — Подошел и наклонился, упершись руками в стол по обе стороны от тарелки. — Слушай меня хорошенько. Ты здесь не для того, чтобы сидеть в темноте и ничего не видеть. Здесь, в этом доме, в этом городе, слепота — это роскошь, которую никто не может себе позволить. Тебе нужно видеть. Слышать. Понимать, что происходит вокруг. Поняла?

Кивнула, глотая комок в горле.

— Компьютер у тебя в библиотеке есть, — сказал, как бы отчитываясь сам перед собой. — Осталось купить только телефон.

Снова присел на корточки. Движение было таким же плавным и естественным, как всегда, но сейчас, после разговора о изоляции, оно казалось еще более властным, навязывающим близость. Рука легла на колено.

— Это очень плохо, — произнес, глядя прямо в глаза. Голос тихий. — Никаких соцсетей, никаких новостей из первых рук, никаких глупых видео с котиками?

Отрицательно покачала головой. Кошки на экране… Это звучало как что-то из другой галактики.

Слегка сжал колено, большой палец провел по ткани.

— Мигель тоже так живет?

Горько усмехнулась.

— Он живет еще хуже. Точнее, скоро начнется. Когда его посвятят в дела семьи. А пока… пока разрешают играть с игрушками. Но и их уже ограничивают в количестве. Говорят, «мальчик должен думать о серьезном, а не о машинках». — Голос задрожал. Представила его, моего маленького брата, с потертым медведем и парой разрешенных солдатиков, и сердце сжалось. — Его готовят. Как готовили меня. Только ему еще тяжелее — он мальчик. От него будут ждать большего.

Кристиан слушал, не перебивая. Лицо оставалось непроницаемым, но в глазах промелькнуло. Он, наверное, сам прошел через подобное. Через эту методичную, душащую подготовку к роли, которая тебе не выбрана.

— Жестко, — произнес наконец. Поднялся, разомкнув контакт. — Ладно. Это их методы. У нас здесь — другие. — потянулся, костяшки хрустнули. — Собирайся. Через двадцать минут выезжаем. Купим тебе не просто телефон. Купим такой, чтобы у тебя глаза на лоб полезли от возможностей. А потом… посмотрим. Может, и Мигелю что-нибудь переправим. Игрушку какую-нибудь.

Быстро кивнула, вставая.

— Хорошо. Я буду готова.

Тот уже шел к двери, но обернулся на пороге.

— И, Инес… — сделал паузу. — Не рассказывай никому,

что у тебя не было телефона.

Снова кивнула.

***

Вошла в первый же магазин. Воздух пах дорогими тканями и парфюмом. Продавщицы смотрели с вежливым любопытством, оценивая скромный вид и охранников у входа.

Стала бродить между стеллажами, трогая ткани, не зная, что выбрать. Потом увидела стойку с бельем. Красивое, изящное, но… нормальное. Не то розовое кружево из того пакета.

Быстро взяла несколько комплектов — простых, хлопковых, приятных на ощупь — и сунула их под стопку блузок, чтобы охранники не увидели. Мне было стыдно.

Набрала еще немного всего — пару джинсов, свитеров, платье попроще. Все это оплатили его люди, даже не глядя на ценники. Пакеты забрали и отнесли к машине.

Подъехал Кристиан с другими охранниками. Вышел из машины, оглядел меня с ног до головы.

— Ну что, разобралась?

Кивнула.

— Хорошо. Поехали за телефоном.

Сели и через несколько минут остановились у огромного стеклянного магазина с сияющими логотипами. Внутри было светло, стерильно и полно людей.

Кристиан повел меня прямо к стойке с телефонами. Он,

кажется, уже знал, что хочет.

— Купим тебе вот эту модель, — сказал, указывая на тонкий, блестящий прямоугольник под стеклом. — Называется айфон.

Не выдержала и фыркнула. После всего этого высокомерного тона…

— Я знаю, как это называется, — буркнула, отводя глаза.

Угол губ дрогнул.

— Прочитала? — спросил, и в голосе прозвучала легкая, одобрительная насмешка.

— Да… — призналась тихо. В одной из книг в библиотеке попадались статьи о технологиях. Я их тогда пролистывала с каким-то тупым любопытством.

— Ну вот и отлично. Значит, не с нуля начинаем. — повернулся к продавцу. — Значит, этот. Какого цвета хочешь? — снова спросил уже у меня. — Есть розовый… вроде фиолетовый какой-то… Белый…

Выбор казался огромным и совершенно бессмысленным. Что меняло цвет? Ничего. Но нужно было выбрать.

— Любой… — прошептала, чувствуя себя идиоткой.

Посмотрел на меня, потом на витрину, и лицо стало немного жестче.

— Упакуйте белый, — сказал продавцу ровным, не терпящим возражений тоном. — Белый — нейтрально. Не выцветает, царапины не так видны. Практично. Запомни: когда не знаешь, что выбрать — бери самое практичное.

Ее стал ждать, пока я отвечу. Оплатил наличными из толстой пачки, взял коробку и сунул в руки.

— Поехали домой. Будешь разбираться. К вечеру хочу, чтобы ты могла хотя бы позвонить и отправить сообщение.

Вышли из магазина, и холодный воздух ударил в лицо. Сжимала в руках гладкую белую коробку. Первая вещь в моей жизни, купленная специально для меня. Не выданная, не подобранная кем-то. Выбранная. Пусть даже выбор сделал муж, по своим, практичным соображениям. Но это было мое.

— Так же можно купить потом всякие чехлы, — проговорил, когда шли обратно к машине. — Мне нравится их менять. У меня в кабинете их столько валяется. Там и всякие мемы есть, и просто однотонные.

Произнес это так естественно, будто «мемы» были чем-то вроде салфеток или ручек. Для него, человека, постоянно подключенного к потоку информации, это, наверное, так и было.

Остановилась на тротуаре. В голове щелкнуло пустое место. Это слово видела мельком в тех статьях, но так и не поняла.

— Что… что такое мем? — спросила тихо, глядя на его спину.

Сначала до него, видимо, дошло, что я не иду за ним. Посмотрел на меня. Сначала просто оглядел, потом взгляд стал пристальнее. Увидел не просто вопрос на лице. Увидел ту

самую пустоту, то информационное белое пятно, о котором только что говорили.

Медленно вернулся ко мне, шаг за шагом. Остановился так близко, что пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть лицо.

— Мем, — произнес медленно, четко, как будто объяснял очень важное и сложное, — это такая… шутка. Картинка, фраза, видео. Которая быстро распространяется в интернете. Ее все повторяют, потому что она смешная или… попадает в точку. Как анекдот, только современный.

Смотрел, проверяя, понимаю ли. Кивнула, хотя до конца, наверное, не понимала. Шутка, которую все повторяют… Звучало странно.

— Потом покажу. Покажу тебе мемы. И много чего еще. — повернулся и снова пошел к машине, но на этот раз шаг был не таким быстрым. — Садись. Устроим тебе первый урок. Будет позор, если жена Кристиана Альвареса не знает, что такое мем.

Сказал последнее с легкой усмешкой, но я поймала себя на том, что и сама чуть улыбнулась.

Села в машину, крепко сжимая коробку с телефоном. Мир внезапно стал не просто большим и пугающим. Он стал еще и непонятным в тысяче новых деталей. Но теперь рядом был Кристиан, кто эти детали хотя бы знал.

Глава 11

Сидела в гостиной на краю дивана, сжимая в руках этот холодный, скользкий прямоугольник. Что мне с ним делать?

Осторожно тыкала пальцем. Открывалось то одно, то другое. Настройки — куча непонятных переключателей и ползунков. Какая-то «камера». Нажала на нее, и экран вдруг показал собственное, перекошенное от удивления лицо. Вздрогнула и случайно нажала куда-то. Раздался щелчок, и глупая физиономия застыла на экране. Фотография. Чуть не выронила телефон, пытаясь понять, как это убрать. В итоге просто выключила экран, положила рядом на диван и уставилась в стену. Ощущение было такое, будто мне вручили управление звездолетом, не объяснив, где тут кнопка «взлет».

— Все плохо? — раздался голос Кристиана.

Я даже не слышала, как он вошел. Кристиан сел на диван рядом, взял мой телефон, не спрашивая. Взглянул на черный экран, потом на потерянное лицо.

— Ничего не понимаю, — призналась тихо, и в голосе прозвучала беспомощность, которую не собиралась показывать.

Мужчина подвинулся ближе, так что бедро почти коснулось моего. Пахло от него утренним кофе и свежей бритвой. Разблокировал телефон одним движением.

Повернул телефон ко мне.

— Это главный экран. Эти иконки — приложения. Вот это — телефон, тут звонить будешь. Вот это — сообщения. Вот камера, ты уже нашла. — Провел пальцем по экрану, и иконки поплыли. — Вот браузер. Хочешь узнать, что такое мем — пишешь здесь «что такое мем» и нажимаешь вот эту кнопку.

Все показывал медленно, давая время сообразить. Потом открыл что-то, что выглядело как разноцветный значок.

— А вот это… соцсеть. Тут люди фотки выкладывают, пишут что-то. Твоя кузина Альба, наверное, тут есть. — Посмотрел на меня. — Хочешь попробовать найти ее?

Кивнула, завороженная. Набрал в поиске «Альба Бланко», и на экране появились фотографии. Моя кузина, улыбающаяся на каком-то пляже. Другая — с коктейлем в руке. Третья — с тем самым мужем, о котором она говорила, что «вроде счастлива». Смотреть на кусочек жизни, на которую у меня никогда не было доступа, было и захватывающе, и грустно.

— Видишь? — сказал Кристиан. — Весь мир тут. И хороший, и плохой. — закрыл приложение. — Сначала просто привыкни. Позвони мне. Отправь сообщение. Потом уже полезешь смотреть, что там Альба ела на завтрак.

Протянул телефон обратно. Пальцы на секунду коснулись моих.

— А сейчас… позвони мне. Мой номер уже записан. На-

жми вот сюда.

Взяла телефон дрожащими руками, нашла иконку телефона, как показывал. Нажала. В списке контактов было одно имя — «Кристиан». Ткнула.

Через секунду у него в кармане зазвонил телефон. Вытащил, посмотрел на экран, и угол губ дрогнул. Сбросил вызов.

— Видишь? Работает. Теперь отправь сообщение. Пиши что угодно.

Перешла в сообщения, с трудом набрала: «*Привет*». Отправила.

Телефон тихо пропищал. Он прочитал, потом набрал в ответ. Мой телефон завибрировал.

Открыла сообщение. Там было: «*Молодец. Теперь положи и иди завтракать. У меня встречи.*»

Посмотрела на него. Тот уже вставал, деловито поправляя манжету.

— Все, первый урок окончен. Остальное сама. Если что-то сломаешь — скажи. Главное — не бойся нажимать. От этого он не взорвется.

Ушел, оставив сидеть с телефоном в руках, на котором горело сообщение.

***

Весь день просидела, прикованная к экрану. Сначала с опаской, потом все смелее. Мир, который раньше был за толстым стеклом учебных программ, теперь хлынул внутрь

оглушительным потоком.

Пролистала весь аккаунт Альбы до самого низа. Видела улыбки, путешествия, новые платья. Видела комментарии от людей, которых не знала. Чужая жизнь, яркая и такая… легкая, разворачивалась передо мной, как цветной комикс. Потом нашла других — одноклассниц, которых почти не помнила, дальних родственников. У всех были свои маленькие миры, свои заботы, свои улыбки в камеру.

Потом полезла в интернет. Просто вводила в поиск все, что приходило в голову. «Как играть на пианино». «Барселона достопримечательности». «Что такое мем». «*Как понять, что муж тебя не любит*». На последний запрос вылезла куча глупых статей из женских журналов, и я фыркнула, закрывая вкладку. Это был не мой случай. У нас не было любви. У нас был договор.

Потом, уже почти машинально, я вбила в поиск внутри: «Кристиан Альварес».

Нашла. Подписчиков — немного, явно не публичная личность. Но аватарка была. И пара фотографий.

Нажала на аватар, увеличила. Фотография была старая, кажется. Стоял спиной к камере, у огромного окна с видом на ночной город. В темном костюме, руки в карманах. Лица не было видно, только затылок и жесткий контур плеч. Снимок дышал одиночеством и такой… непроницаемой силой, что по спине пробежали мурашки.

Пролистнула дальше. Еще одна фотография — машина.

Дорогая, низкая, агрессивного вида, припаркованная на пустой набережной. Никаких подписей. Никаких селфи, никаких друзей в кадре, никаких упоминаний о жене или семье.

Вот и все. Весь его цифровой след — силуэт у окна и машина. Ничего личного. Ничего, что говорило бы о человеке внутри. Как будто он существовал в сети ровно настолько, насколько это было необходимо, и не на байт больше. Полная противоположность Альбе с ее жизнью, выложенной напоказ.

Положила телефон, встала и подошла к окну. За стеклом был тот же барселонский вечер, что и на фотографии. Но теперь смотрела на него иначе. Знала, что где-то там, в этом городе, есть женщины вроде Елены, которые являются мозгом своих мужей. Знала, что можно за секунду найти любую информацию. Знала, что мой брат, возможно, сидит сейчас в той же информационной тюрьме, в которой сидела я.

И знала, что мой муж, чей профиль в сети был пуст, как заброшенный склад, на самом деле был сложной, многослойной реальностью, которую мне только предстояло по крупицам собирать. Телефон в руке был ключом. Но он открывал не только двери наружу. Он заставлял задавать новые вопросы о том, что было внутри этого дома. И о том, кто был этот человек, который мог одним утром купить мне мир в кармане, а вечером быть всего лишь силуэтом на фоне ночных огней.

Пролистала контакты в телефоне. Всего три: «Кристиан»,

«Охранник», «Повар». Вот и весь мой новый мир в цифровом виде. Узкий, контролируемый.

— Ладно, потом маме позвоню, — прошептала, пытаясь придать голосу уверенности, которой не было. Но даже эта мысль вызывала холодок в животе. Что я скажу?

«*Привет, мам, у меня все хорошо, муж подарил телефон, на котором я могу видеть, как вы все врали мне про мир*»?

Выдохнула, плюхнулась на диван и уставилась в потолок. Тишину разорвал звук открывающейся тяжелой входной дверии. Четкие, быстрые шаги по мрамору холла. Привстала, выглянула в проход из гостиной.

Мимо, не замедляя шага, прошел Кристиан. Лицо было сосредоточенным, непроницаемым, каким бывало только в самые серьезные моменты. За ним, отстав на полшага, следовал Амадо — тот самый, с разноцветными глазами и акульей улыбкой. Сегодня не улыбался. Шел, засунув руки в карманы дорогого пальто, взгляд устремлен вперед, жесткий.

За Амадо — Фабио. Тот шел чуть более расслабленно, но в осанке чувствовалась та же собранность. Что-то тихо говорил тому, кто шел следом.

И вот тот, третий. Блондин. Высокий, очень светловолосый, почти белокурый, с пронзительными зелеными глазами, которые мельком скользнули по гостиной, на секунду зацепившись за меня, и так же быстро отвелись. Незнакомец. Но по тому, как шел, — ровно в том же ритме, с тем же ощущением власти, — сомнений не оставалось.

За ним — еще один. Мужчина с черными, идеально уложенными волосами и темными, почти черными карими глазами. Лицо было аскетичным. Шел последним, и в движении была хищная, тихая грация, как у пантеры.

Пятеро. Они прошли мимо, как торпеды, наполняя воздух немым гулом абсолютной власти и общей цели. Дверь в кабинет Кристиана в дальнем конце коридора открылась и закрылась, поглотив их. Щелчок замка прозвучал громко, как выстрел, в неожиданно наступившей тишине.

Неужели это… все? Все пять. Пять семей. Весь союз, о котором так много говорили, но которого я никогда не видела в сборе. Альварес, Баскес, Викарио… а блондин и черноволосый? Мартин и Валерио?

Они все здесь. Значит, дело серьезное. Война с Саморано? Новый договор? Передел территорий?

Телефон в руке казался вдруг игрушкой.

Встала и подошла к двери в коридор, прислушалась. Ни звука. Они умели говорить тихо. Но сама тишина за той дверью была красноречивее любых криков. Она висела в доме тяжелым, грозовым облаком. И я, впервые, физически ощутила вес того мира, в который меня ввели.

Затем снова шаги. Но уже другие — легкие, быстрые, женские. Из холла в гостиную вошла девушка с каштановыми волосами, собранными в небрежный хвост, и выразительными карими глазами. На ней были потертые джинсы и большой свитер, выглядела она так, будто только что выскочила

из машины.

— Они снова ушли в свою берлогу, — выдохнула с явным раздражением, скидывая куртку на спинку кресла. — Я прибью этого Амадо, клянусь. Опять без предупреждения.

Скользнула взглядом по комнате, заметила меня, и лицо смягчилось.

— О, ты Инес? — Улыбнулась, и улыбка была теплой, открытой, без тени светской напыщенности. — Я Сара. Жена Амадо. Того, которого я сейчас прибью.

Вошла в комнату и плюхнулась на диван рядом со мной, как будто были старыми подружками. За ней вошла Елена — все такая же собранная и спокойная, кивнула мне.

— Привет, Инес, — сказала, занимая место в кресле напротив.

Следом появилась еще одна. Девушка с бледным, почти фарфоровым лицом, обрамленным черными как смоль волосами, и пронзительными голубыми глазами.

— Я Анна, — представилась тихо, садясь рядом с Сарой. — Жена Валерио.

Валерио… Тот, с черными волосами, который шел последним.

— Валерио это… — начала неуверенно.

— Тот самый, угрюмый красавец сзади, — с усмешкой пояснила Сара. — Не пугайся, он на самом деле не такой страшный, каким кажется.

Кивнула, чувствуя себя все более потерянной в этом по-

токе имен и лиц.

— Ох… — раздался новый голос из дверного проема. Туда, опираясь на косяк, вошла блондинка с голубыми глазами. Одной рукой придерживала спину, другой лежала на явно округлившемся животе. Срок — на вид месяцев пять. — Зачем я вообще с вами поехала… Я бы лучше в кровати валялась.

— Это Камила, — снова представила Сара, жестом приглашая внутрь. — Жена Мартина. Того блондина.

— Привет, — Камила слабо помахала рукой и осторожно опустилась в свободное кресло. — Вы в курсе, что они, когда увидят нас тут сидящими, будут чуточку злыми?

— И что? — фыркнула Сара, закинув ногу на ногу. — Камила, ты со своей беременностью вообще другая какая-то стала. Где та агентка из Саморано, а?

Застыла, не веря своим ушам. Агентка? Из Саморано?

Камила медленно повернула голову к Саре. На ее лице не было ни улыбки, ни раздражения.

— Та агентка, Сара, сейчас на нашей стороне. Надеюсь, ты это помнишь.

Сара закатила глаза, но в взгляде не было злобы, скорее привычная фамильярность.

— Помню, помню. Просто ностальгирую по тем временам, когда ты могла пристрелить нахала взглядом, а не отчитывала меня за то, что я хочу прибить собственного мужа.

Камила слабо улыбнулась.

— Можешь прибить. Только потом сама будешь разгребать его дела. А они, поверь, скучнее, чем ночные кормления.

Сидела, переводя взгляд с одной на другую, пытаясь осмыслить только что услышанное. Агентка Саморано. Жена Мартина, одного из пяти боссов. Беременная. Сидящая здесь, в доме Кристиана. Это было… за гранью любого моего понимания.

Елена, заметив мой шок, мягко вмешалась.

— Инес, не обращай внимания на их болтовню. У нас у всех… свое прошлое. И свое настоящее. Главное, что сейчас мы все здесь. И мы — на одной стороне. — Она посмотрела на Камилу, и та кивнула, подтверждая. — А сейчас лучше подумаем, как нам быть, когда наши мужья выйдут и увидят, что мы устроили здесь свой маленький женский клуб прямо под их носом.

Сара хмыкнула.

— Скажем, что приехали поддержать Инес. Она же новенькая. Ей страшно одной в этом огромном доме, пока мужчины решают судьбы мира. — Подмигнула мне. — Сработает. Кристиан будет недоволен, но промолчит из вежливости.

Смотрела на этих женщин — Сару, едкую и прямую; Елену, умную; Анну, тихую, но с стальным стержнем внутри; Камилу, бывшую вражескую агентку, вынашивающую ребенка босса мафии.

— А ты чего это, Сара, забыла, что ты тоже являешь-

ся агентом Саморано?! — съязвила Анна, и голубые глаза сверкнули холодной усмешкой.

У меня в голове щелкнуло. Она что, тоже…

— Ой, все! — взорвалась Сара, вскакивая с дивана. — Амадо! А-ма-до!

Крик гулко прокатился по гостиной. Замерли, и даже Камила перестала тереть поясницу. Тишина длилась ровно три секунды.

Затем дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Амадо. Разноцветные глаза сразу нашли Сару. На лице не было ни удивления, ни гнева — только привычная, усталая раздраженность.

— Астра, — произнес спокойно, но так, что по спине пробежали мурашки. — Ты чего не дома с Альваро?

— Я тоже по тебе скучала, — парировала Сара, скрестив руки на груди. Голос дрожал от ярости. — Но позволь спросить. Почему ты мне даже ничего не сказал, а я узнаю это от Елены? Ты думаешь, я не пойму? Я не твоя дурочка, которую можно держать в неведении!

— Сара! — резко окликнула Елена, но было уже поздно.

Сара на секунду замялась, увидев взгляд Елены, и машинально прикрыла рот рукой.

— Ой, прости, — пробормотала, но было ясно, что сожаление не мучает.

Амадо не стал ничего выяснять при всех. Медленно, как хищник, подошел. Они стояли почти нос к носу.

— Иди в машину, — сказал тихо.

— Я не пойду, — выдохнула Сара, ее подбородок задрожал. — Я буду драться.

— Хорошо. Мы подеремся, но не здесь. — Взял за руку выше локтя, не сильно, но так, что не могла вырваться. — Пойдем.

Развернулся и повел к выходу, не оглядываясь на остальных. Сара шла за ним, не сопротивляясь, но спина была прямой, а плечи напряжены.

В гостиной воцарилась тяжелая тишина. Елена вздохнула, Анна покачала головой, Камила просто смотрела в пол, поглаживая живот.

Сидела, пытаясь переварить этот взрыв. Сара… тоже бывшая агентка Саморано? И они обе… жены боссов?

Мир, и без того перевернутый, снова содрогнулся и развалился на куски, чтобы сложиться в новую, еще более пугающую и непостижимую картину.

Смотрела на закрытую дверь, за которой только что исчез Амадо с Сарой, и понимала, что ничего не понимаю. Абсолютно. И что учиться придется не просто пользоваться телефоном. Придется учиться выживать в мире, где враги могут стать женами, а жены — бывшими врагами, и где любовь, ненависть и предательство переплетены так тесно, что уже не отличить одно от другого.

— Елена, — раздался с порога голос Фабио. Стоял, уже в пальто, лицо было строгим, но не гневным. — Пойдем.

Елена, не говоря ни слова, вскочила с кресла, подбежала к нему и взяла за руку. Они обменялись быстрым взглядом. И ушли, не оглядываясь.

В опустевшем проеме теперь стоял Валерио. Тот самый, с черными волосами и темными, нечитаемыми глазами. Он не вошел, просто остановился на пороге, и его взгляд упал на Анну.

Анна медленно подняла на него глаза. Она не улыбалась, не хмурилась. Просто смотрела.

— Мятежная принцесса, — прошептал так тихо, что едва расслышала.

Анна встала. Подошла. Тот взял руку в свою — не как Амадо Сару, а скорее как хрупкое и ценное. Большой палец медленно провел по костяшкам, один раз.

— Домой? — спросила Анна так же тихо.

— Домой.

Она обернулась к нам с Камилой.

— Пока, девочки… — сказала, и в голосе прозвучала теплая, живая нота. Потом они ушли, и в гостиной остались мы вдвоем с Камилой и давящая тишина.

Через минуту в проеме снова мелькнула тень. Мартин, блондин с зелеными глазами, уже почти прошел мимо, сосредоточенный на своих мыслях. Взгляд скользнул по гостиной рассеянно, не зацепившись. Прошел.

Камила, сидевшая рядом со мной, прикрыла рот рукой. Глаза широко раскрылись, и в них было ужаснувшееся.

И тут из-за косяка сновапоказалось его лицо. Мартин выглянул, как будто мозг с опозданием обработал увиденное. Его зеленые глаза нашли Камилу, и в них промелькнуло чистое, ничем не разбавленное изумление.

— Пейто… — произнес, и прозвище прозвучало странно нежно. — Ты чего это тут… — не договорил, делая шаг внутрь.

Камила встала. Лицо, такое спокойное и насмешливое минуту назад, вдруг исказилось. Губы задрожали, глаза наполнились слезами. И она просто… зарыдала. Тихими, сдавленными, но от этого еще более душераздирающими рыданиями. Стояла посреди гостиной, беременная, беззащитная, и плакала, как ребенок.

Мартин замер на секунду, лицо стало совершенно пустым от шока. Потом стремительно пересек комнату, даже не глядя на меня, и обнял. Не просто обнял — притянул к себе, прижал голову к плечу, одной рукой обхватив спину, другой осторожно положив на живот.

— Тихо, — забормотал.

Качал на месте, маленькими, убаюкивающими движениями, прижимая. Камила всхлипывала в плечо, руки вцепились в пиджак.

Сидела, отвернувшись, стараясь сделать вид, что меня нет, чувствуя себя невольным свидетелем личного. Агентка Саморано, рыдающая на плече у босса мафии, который утешает.

Через несколько минут рыдания Камилы стихли, сменившись тихими всхлипами. Мартин, не отпуская, поднял голову и наконец заметил меня. Взгляд был острым, оценивающим, но сейчас в нем читалась не угроза, а скорее усталое смирение.

— Извини, — сказал коротко. — Нам нужно идти.

Бережно развернул Камилу, все еще прижимая боком, и повел к выходу, не выпуская из объятий. На пороге обернулся.

— Скажи Кристиану… что мы уехали.

Осталась одна в огромной, внезапно оглушительно тихой гостиной. Следы их присутствия — смятые подушки на диване, забытая чашка Камилы — еще были здесь. А они уже растворились в ночи, унося с собой свои невероятные истории, свои тайны, свою сложную, страшную и такую человеческую любовь.

И я сидела, понимая, что только что увидела не собрание жен. Я увидела срез настоящего, дикого, живого мира, в котором теперь жила. Где ненависть и верность переплетены в один тугой узел, где враги спят в одной постели

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.